

Хроники дальних дорог

Автор:

[Иар Эльтеррус](#)

Хроники дальних дорог

Иар Эльтеррус

Странники #2

Твой дар становится сильнее с каждым днем, ты идешь от мира к миру в поисках пути возвращения домой, в Таорскую иперию, таща на себе огромный супердредноут вместе со всем экипажем. Ты собираешь свой Клан, хотя сам об этом пока не подозреваешь, просто спасая тех, кого можно и, ты это чувствуешь, нужно спасти. Тебе предстоит многому научиться. И у многих. Но на сей раз в мирах магии, в очень странном месте, называемом Миросплетенье. Впрочем, учиться придется далеко не только магии, но и кое-чему другому...

Иар Эльтеррус

Хроники дальних дорог

Все совпадения с реальными людьми и событиями являются случайными. Роман с начала и до конца является авторским вымыслом.

За идею цивилизации народа Дархона, разумного искина, автор приносит свою благодарность Алексею Морозову.

Кому земля священный край изгнания,

Того простор полей не веселит.

Но каждый шаг, но каждый миг таит

Иных миров в себе напоминая.

В душе встают неясные мерцания,

Как будто он на камнях древних плит

Хотел прочесть священный алфавит

И позабыл понятий начертания.

И бродит он в пыли земных дорог,

- Отступник жрец, себя забывший бог,

Следя в вещах знакомые узоры.

Он тот, кому погибель не дана,

Кто, встретив смерть, в смущении клонит взоры,

Кто видит сны и помнит имена.

(Максимилиан Волошин)

Пролог

Висящий прямо в открытом пространстве человек с интересом смотрел на снующие от зависшего на орбите корабля к планете и обратно челноки. Странник пытался понять для чего это понадобилось мальчишке, почему он задержался возле этого почти мертвого мирка. Это ведь даже не его родная Земля, а всего лишь одно из ее бесчисленных отражений, причем не слишком удачное. Точнее, совсем неудачное. Что здесь может быть интересного? Ну погубили себя земляне в очередной раз, так ведь далеко не в первый и не в последний. Дуракам закон не писан. Но что-то мальчишке в этом гиблом месте понадобилось. Неужто он уже начал собирать клан? Рановато...

Отпускать неопытного юнца, обладающего силой Мастера Дорог линии Авари, свободно гулять по мирозданию проживший много тысяч лет Странник не собирался, это чревато катаклизмами такого масштаба, что потом вовек не расхлебашь. Малолетний дурачок из-за своего невежества вполне способен несколько вселенных схлопнуть и даже не заметить этого. Но и самому обучать мальчишку пока смысла не имеет, сначала будущему ученику следует кое-что важное понять. Да что там кое-что, очень многое ему понять и изучить надо, и только потом его можно будет допускать к знаниям, неправильное применение которых способно уничтожить триллионы разумных. Но как заставить мальчишку учиться? Странник помнил себя сразу после того, как осознал, что он не просто человек, а нечто большее. Сколько было гордыни и самомнения! У этого, скорее всего, тоже так будет. Поэтому за него надо браться прямо сейчас, хоть и, как уже упоминалось, не самому.

Пожалуй, стоит аккуратно направить мальчишку в кое-какие интересные места, пусть его там жизнь хорошенько уму-разуму поучит. Она учительница суровая, жалости не ведает. К тому же там имеются вполне себе толковые маги пространства, да и вероятностные ментаты встречаются, хоть и реже. Сумеет уговорить кого-то взять в ученики, кое-чему научится. Или не научится, тогда придется ограничить дурачку возможности, чтобы дел не наворотил. Пусть лепит куличики в песочнице, ежели больше ни на что не пригоден. Жаль, конечно, появления Восьмого ждали больше тридцати пяти тысяч лет. Но рисковать в таких вещах он не имеет права, слишком страшны будут последствия в случае ошибки.

Отследив путь мальчишки с момента его первичной инициации, Странник от души посмеялся. Отправить двух биоников прямо в ад было чем-то невероятным, никому из сородичей такого в голову еще не приходило. Золотая ведь идея. Демоны и иже с ними очень удивились, когда им на головы такой подарок свалился. А потом взялись за незваных гостей со всей широтой демонских душ и вскоре выяснили, откуда к ним заявили столь невежливые граждане, кто они вообще такие, и были намерены отомстить, причем используя извращенную фантазию обитателей нижних миров на полную катушку. И правильно, он и сам этих тварей бионических давил везде, где встречал, пусть теперь попробуют с высшими демонами потягаться, то-то те повеселятся. На мальчишку полезть оные демоны, скорее всего, не решатся, слишком хорошо знают, чем чревата конфронтация со Странником любого уровня, ну а коли решатся, тоже неплохо – дополнительная тренировка ему уж точно не помешает.

Но все-таки, что делать с этим сверхактивным дурачком? Оставлять его не обученным нельзя, самому учить рано, причем по очень простой причине – слишком опасно давать в руки неопытного, наивного ребенка такую силу, обязательно использует не там, где нужно, и не так, как нужно. А кому потом эту кашу расхлебывать? Ему, кому же еще. А остальные еще и на вид поставят вместо того, чтобы помочь, чего еще от этих снобов ждать. Так что идея прогнать мальчишку по цепочке необычных миров, в каждом из которых его обучат чему-то полезному, довольно неплоха. Ее и стоит принять за основу плана, не закливаясь на ней одной, конечно. Мальчишка ведь тоже Странник, пусть и неопытный, вполне может взбрыкнуть и переместиться совсем не туда, куда его направляют. Но это не страшно, вариантов хватает, миров, причем самых разных, вокруг столько, что, как говорят на той же Земле, хоть местом, на котором сидишь, жуй.

Странник усмехнулся и принялся тщательно выплетать цепочку вероятностей, которая должна будет направить дредноут, который зачем-то таскал на своем горбу глупый мальчишка, в одно очень интересное и одновременное очень паршивое место, после чего перекрыть выход. Там хватает необычных личностей, у которых можно, при определенном старании, немало полезного почерпнуть. Надо посмотреть, сможет ли мальчишка выпутаться и научиться хоть чему-то. Если сможет, то можно будет подумать и о дальнейшем обучении. Не справится? Значит, сам виноват. Будет сидеть в песочнице, пока не поумнеет.

Глава I

Голограмма Земли медленно вращалась перед Артемом, задумчиво покусывающим собственный кулак. Как он обрадовался, когда после очередного перехода «Петроград» вышел из гиперпространства недалеко от голубой планеты, очертания материков которой были знакомы с раннего детства. Вот только, как выяснилось, радовался молодой капитан зря. Первое же сканирование дало понять, что они где угодно, но только не дома – с планеты не исходило никаких радиосигналов, а на ночной стороне не было видно ни единого огонька. Мало того, поверхность так и фонила радиацией, и это сразу дало понять, что здесь не так давно произошло.

Еще несколько часов исследований позволили четко утверждать – на планете не более двадцати лет назад отгремела ядерная война. Сканирование обнаружило следы нескольких сотен термоядерных взрывов, большинство крупных городов мира было уничтожены именно ими. В том числе и родной для Артема Санкт-Петербург, не говоря уже о Москве – ее буквально стерли с лица земли. Это, впрочем, проделали практически со всеми столицами мира. На месте Вашингтона, Берлина, Парижа, Пекина и Лондона была стекловидная неровная поверхность, светящаяся по ночам. От Японии вообще осталась цепочка небольших островов.

Однако некоторые довольно крупные города частично уцелели, а значит, исследовав их, можно было понять, что здесь произошло и в каком году. Артем хотел было отправиться вниз с первой экспедицией, но ему не позволили, сказав, что никто, кроме него, не сможет вытащить корабль отсюда. Если кто-то другой погибнет, то это не так страшно, как если погибнет капитан. Его гибель будет означать неизбежную смерть для всех остальных.

– Да пойти ты, дурья голова, что без тебя мы все – трупы! – Леонид Петрович укоризненно смотрел на возмущенного юношу. – Ну нельзя тебе рисковать!

– Вот же блин... – едва сдержался от мата Артем. – Я же тут от нетерпения изведусь...

Пришлось смириться, и теперь молодой капитан места себе не находил, как неприкаянный бродя по рубке «Петрограда» и натываясь на кресла экипажа. На корабле остались только врач, инженер, канонир и навигатор – Бора тоже не пустили вниз. И стажеры, конечно, их никто брать с собой и не собирался, пусть опыта сначала наберутся.

На большом голографическом экране отображалось происходящее с тремя экспедициями, которые возглавили Карл фон Бревен, Леонид Мохов и Моисей Шапиро, пилотировать малые летательные аппараты, исключая истребители и штурмовики, умели все члены экипажа. Каждого офицера сопровождало по пять десантников. К сожалению, погонщиками являлись только двое из них, поэтому отделения боевых дроидов имелись всего на двух челноках. Первый отправился в почти уничтоженный Санкт-Петербург, второй в мало поврежденный Томск, а третий в окрестности Лондона, где тоже нашлись несколько относительно уцелевших городков. Соломону Моисеевичу, командовавшему последним, строго-настрого приказали не рисковать ввиду отсутствия дроидов. Терять

людей небольшому экипажу было никак нельзя, новых поди еще найди.

Артема прежде всего интересовал родной город, поэтому он переключил экран на челнок, который вел Карл Генрихович. Под днищем космолета проносилась поверхность Земли, леса, поля, озера и реки, вот только людей нигде не было видно, словно и не усеяно все вокруг следами их деятельности. Иногда попадались дороги, обочины которых были забиты проржавевшими машинами разных марок. Возле самого большого автомобильного кладбища фон Бревен приказал задержаться и просканировать местность. Как ни удивительно, не удалось обнаружить ни одного трупа или хотя бы скелета, что выглядело довольно странно, возникало ощущение, что кто-то намеренно убрал тела, которых после ядерной войны должно было остаться немало. Никто не понимал, что это может значить.

- Слышь, Француз, я ни хрена не врубаюсь... - пробурчал Бор, лохматя себе ежик светлых волос. - Люди-то где?..

- А я знаю? - пожал плечами Артем. - Сам в полной растерянности. Гляди, машины все пустые, радиацией шмонит только так, и... никого. Если и в городе так будет, то я не знаю, что и думать...

- Это действительно очень странно, - вмешался в разговор Кирилл Владимирович, краем глаза отслеживая какие-то столбики цифр на экране, он, как единственный инженер в экипаже, тоже остался на борту. - Похоже, кто-то после уничтожения населения позаботился убрать трупы. А это может значить только одно, по моему мнению.

- Что? - подались вперед ребята.

- Подготовку местности к колонизации. То есть войну устроил кто-то извне, и этого кого-то совершенно не интересовали люди, но при этом очень интересовало жизненное пространство. Несколько соседей Таоры несколько раз устраивали такую аннексию, два раза даже уничтожили имперские колонии, но рейд имперского флота, после которого заинтересованных в жизненном пространстве лиц в живых не осталось, заставил остальных отказаться от таких способов. Здесь вполне могло произойти что-то в этом духе.

– Могло, – вынужден был признать Артем, хотя делать ему этого очень не хотелось. – Но могло и что-то другое.

– Пока не стоит делать выводов, мы слишком мало знаем, – не стал спорить Кирилл Владимирович, прекрасно понимая состояние молодого капитана, все еще надеющегося на что-то.

На экране тем временем показались развалины предместий Санкт-Петербурга. Челнок приближался к городу с юго-востока, и вскоре Артем узнал проспект Большевиков, точнее то, что от него осталось. Некоторые здания частично уцелели, но большей частью вместо них были груды битого кирпича и бетона. Сам юноша вместе с матерью жил на севере, в нескольких сотнях метров от метро Академическая.

– Ну что, Карл Генрихович, есть хоть какие-то следы людей? – поинтересовался он.

– Нет, – хмуро ответил полковник. – Никаких. Сканеры вообще не улавливают наличие биоматерии с человеческим ДНК в городе, даже на кладбищах, возникает ощущение, что кто-то вырыл трупы и увез. Глупость какая-то. Ладно, я понимаю, что можно вывезти тела недавно погибших, но старые-то захоронения тревожить зачем?! И как? Сами смотрите! Могилы не разрыты! Но при этом пусты.

Челнок как раз пролетал над кладбищем. Фон Бревен оказался полностью прав – могилы выглядели не потревоженными, однако в них ничего не было, никаких останков, даже следов органики не нашлось. Артем ошалело помотал головой, пытаясь понять, как это возможно. Кто мог такое устроить? Зачем? И каким образом? Ответов на эти вопросы не было.

– Карл Генрихович, я хотел бы посмотреть, не уцелел ли дом, в котором я жил, – попросил Артем, ему почему-то мысль о своей квартире не давала покоя.

– Я бы тоже посмотрела... – произнесла до сих пор молчавшая Алевтина Сергеевна, появления которой в рубке никто не заметил, она пришла в момент, когда общее внимание было приковано к экрану. – Может, дома что-то сохранилось...

– Неизвестно какой вариант истории здесь реализовался, – покачал головой Странник, покосившись на свою мать-немать. – Скорее всего не мой, но и не ваш. Надо сначала проверить. Поэтому простите, но вас, как и остальных женщин из экипажа, никто вниз не пустит, пода местность не разведана как следует.

– Ясно, – помрачнела она.

Артем повернулся обратно к экрану. Челнок, куда он говорил с Алевтиной Сергеевной, добрался до центра города, от которого практически ничего не осталось. Груды непонятных обломков.

– Не могу понять, какое оружие здесь применили... – задумчиво потер подбородок Михаил Иванович, прищутив свои и без того узкие глаза. – Для ядерного разрушения слишком велики, разве что взорвать сразу десяток бомб. Такое, – он кивнул на экран, – свойственно скорее кварковым зарядам, но откуда они на Земле? Насколько мне известно, земные физики даже не приступали к разработке кварковой теории...

– А что сканеры говорят? – хмуро спросил Бор, которому больно было видеть останки родного города. – От кварковых же тоже какие-то следы остаются...

– Остаются, – подтвердил канонир. – Но очень быстро развеиваются. Уже через год-другой понять, что было применено именно кварковое оружие, невозможно. Да и радиация тут велика. Но вот разрушения? Нет, не пойму. Очень может быть, что уже после ядерных взрывов местность хорошо потрянуло землетрясением, причем как бы не двенадцатибальным. Надо уточнить у остальных челноков, что там в Томске и Лондоне. Если то же самое, то стоит осмотреть океанское побережье на предмет разрушений от цунами. Если всю планету с такой силой встряхнуло, то они обязательно должны быть.

Как ни удивительно, предположение Михаила Ивановича не подтвердилось. Томск почти весь уцелел, только стекла в домах повывлетали, ему, похоже, досталось не более двух ядерных зарядов, да и те ударили не по центру, а по окраинам, где располагались военные заводы и ракетные шахты. От Лондона, как уже говорилось, ничего не осталось – неровная стекловидная поверхность, от которой так и шибало радиацией. Зато небольших городков в его окрестностях уцелело немало – их, судя по внешнему виду, вообще не бомбили. Вот только и в Сибири, и в Англии не нашлось ни единого человека, ни трупа, ни

скелета. По просьбе Артема были просканированы ближайшие кладбища, могилы в которых тоже оказались пусты.

– Обалдеть... – помотал головой Бор, когда данные с обоих челноков поступили на «Петроград». – Это же шиза какая-то!

– Вы правы, что-то очень странное происходит, – покосился на навигатора не слишком понявший его сленг Кирилл Владимирович.

Некоторое время царило молчание, а затем Артем поднял голову к потолку и мысленно спросил по закрытому каналу:

– Дархон, а ты что думаешь по этому поводу?

– Пока ничего, – отозвался искин. – Есть одно подозрение, но озвучивать его рано. Однако предупреди народ, что нам, возможно, придется уносить ноги с этой планеты и из этой системы в ритме вальса. Но точно сказать ничего не могу. Подожди немного, мне не хватает информации для анализа. Как только получу нужные данные, проведу анализ и сообщу тебе выводы. Сейчас идет полное сканирование планеты на недоступном таорцам уровне, наш корабль оборудован, если помнишь, многим необычным для них.

Экран снова переключился на челнок фон Бревена. И вот тут Артем чуть не подпрыгнул от нетерпения. Его дом оказался полностью цел! Да не только он, весь квартал уцелел! Вон разбитая витрина небольшой кондитерской, где такие вкусные пышки и пирожные продавались. Вон «Пятерочка», где они с мамой обычно продукты покупали, если лень было идти три квартала до «Перекрестка». Вон бассейн, в который у Артема был годовой абонемент.

Челнок, тем временем, приземлился прямо на проезжую часть улицы, едва поместившись между домами и раздавив попутно своими массивными опорами две ржавых машины. Полковник в сопровождении десантников вышел наружу, все они были в легких скафандрах, защищающих от радиации. Он хотел было отдать приказ начать осматривать местность вокруг, но просто не успел – Артем вскочил с капитанского кресла, на которое недавно сел, и переместился к челноку. Дар снова сработал, уловив его желание оказаться внизу.

– Опять?! – выверился на Артема полковник, увидев его рядом. – Мы же обсудили уже, что тебе не надо появляться тут, пока мы все не разведали!

– Дар... – скривился юноша, разведя руками. – Я захотел внизу оказаться, он и сработал. Но раз уж я тут, то хочу осмотреть свою квартиру. Мне не дают покоя подозрения, что это, – он повел рукой вокруг себя, – все же мой мир. Очень все похоже... И магазинчики знакомые, и детская площадка один в один, и дома, и вон та машина соседу дяде Косте принадлежит – на ней пятно однозначно узнаваемое.

– Почему тогда без скафандра?

– Вы забыли в каком я комбезе?

– Ах да, подарок императора, – кивнул полковник. – Только активируй защиту от радиации и воздушный фильтр.

Артем не стал спорить, хотя ему почему-то казалось, что после инициации, как Странника, мало что способно причинить ему вред. Он отдал нужные команды комбезу через имплант, дождался появления легкого свечения защитного поля вокруг тела и двинулся к своему подъезду. Интересно, дверь оказалась другой, незнакомой. А вот почтовые ящики внутри были абсолютно привычными, как и выщербленная, старая лестница. Зато надписи «Витька – дурак!» под ящиками, сделанной им в «зрелом» возрасте восьми лет после ссоры с приятелем, не было и в помине.

Юноша буквально взлетел на третий этаж и остановился перед знакомой до боли, оббитой потертым дерматином входной двери квартиры, в которой вырос – мать все-таки большей частью воспитывала сына в России, а не во Франции, не доверяя западному образованию. Артем улыбнулся воспоминаниям, поднял руку, провел пальцами по щели за щитком счетчика и нашел запасной ключ там, где и ожидал его найти. Открыл дверь и вошел.

Некоторое время юноша стоял, молча оглядывая прихожую, в которой сразу заметил немало вещей, которых не было у них дома. Значит, это все-таки не его мир, здешняя Алевтина Сергеевна жила куда беднее, чем его мать, это было хорошо заметно по потертой, старой мебели. Все горизонтальные поверхности в квартире покрывал слой пыли, что говорило о ее заброшенности, в ней, похоже,

много лет никто не бывал. Ничего, впрочем, удивительного, особенно учитывая то, что они успели увидеть на этой Земле.

– Ну что? – раздался позади голос фон Бревена.

– Не мой мир, – отозвался Артем. – Но надо проверить, я помню, где мама обычно хранила документы.

Он двинулся в гостиную, нашел в серванте старую резную шкатулку, подаренную маме бабушкой, когда ей исполнилось десять лет, и поднял крышку. Алевтина Сергеевна не изменила своим привычкам – все важные документы хранились здесь. Открыв паспорт, лежавший сверху, Артем обнаружил, что здесь мама носила другую фамилию – Пригожина. А вот детей у нее было двое – девочки-близняшки, родившиеся в две тысячи двенадцатом, Ира и Света. Порывшись в шкатулке, Артем обнаружил их свидетельства о рождении, свидетельство о браке с неким Пригожиным Иваном Николаевичем и свидетельство о его смерти через десять лет. Понятно теперь почему в квартире так бедно – двух детей в одиночку женщине поднимать нелегко. Вот только в каком году случилась катастрофа? Он оглянулся, вспомнив любовь матери к отрывным календарям, и обнаружил искомое на стене.

– Две тысячи двадцать седьмой год, понедельник, девятнадцатое апреля... – вслух прочитал юноша. – Ну, хоть дата стала известна...

– Думаешь? – поинтересовался полковник, вошедший следом за ним, двухметровый гигант в футуристического вида скафандре смотрелся в малогабаритной квартире чем-то чужеродным.

– Да, мама отличалась редкой педантичностью, утром первым делом отрывала очередной листик календаря. Всегда. Раз на календаре девятнадцатое апреля, то значит после этой даты она дома уже не бывала, иначе обязательно бы оторвала нужное число листочков. Здесь, кстати, у нее не сын был, а две дочки. Помладше меня. Алевтина Сергеевна, вы слышите?

– Да, – отозвалась та по связи. – Знаете, мне до сих пор дико, что в разных вариантах Земли у меня по-разному сложилась жизнь. Значит, две дочки?.. Интересно, что с ними? Погибли? Фото хотя бы не сохранилось?

– Сейчас поищу, – пообещал Артем. – А что с ними понятия не имею. Наверное, то же самое, что со всеми людьми этого мира.

Несколько фотографий нашлось в той же шкатулке, правда девочки на них были совсем маленькими, да и отец их, тогда еще живой кряжистый черноволосый мужчина с открытым, улыбчивым лицом стоял рядом, обнимая мать.

Неудивительно, что нашлось так мало снимков на бумаге, в его время почти все фото были в электронном формате, распечатывать их мало кто стремился, люди не видели в этом смысла.

– Ребятам удалось запустить компьютер в библиотеке неподалеку, – сообщил фон Бревен. – Ищут информацию. Там несколько изданий в pdf-формате нашлось. Кто-то, к счастью, сохранил их на жесткий диск. Не знаю, что это за формат, просто передаю слова Вань Линя.

– Очень хорошо, я...

– Внимание! – прервал его голос Дархона по общему каналу связи. – Обнаружены живые люди, не слишком далеко от Санкт-Петербурга, в Карелии. Двое взрослых и двое детей. Вам до них ближе всех.

Артем с Карлом Генриховичем переглянулись. Обнаружение живых людей на выжженной планете давало возможность из первых рук выяснить, что же здесь, в конце концов, произошло. Терять времени не стоило, и юноша сгреб шкатулку с документами, решив взять ее с собой, местной Алевтине Сергеевне они, похоже, уже не пригодятся, иначе давно бы забрала. Фон Бревен распорядился захватить с собой все рабочие компьютеры из библиотеки, пусть ими Инголин с Дархоном на корабле займутся, всяко быстрее будет, чем на месте рыться в огромном ворохе информации.

Артем окинул последним взглядом квартиру, в которой никогда не жил, но так похожую на его собственную, вздохнул, решительно повернулся и вышел, навсегда оставляя ее позади. Внизу царил суматоха – десантники таскали коробки компьютеров и пачки прессы две тысячи двадцать седьмого года из библиотеки, складывая все это во вместительный трюм космолета. Закончили они довольно быстро, за каких-то двадцать минут, после чего погрузились на борт, и челнок взлетел, взяв курс на Карелию.

– Дархон, – вслух позвал искина через общий канал связи Артем. – Больше людей не обнаружено?

– Нет, – отозвался тот. – Только эти четверо. И это очень странно...

– Сколько процентов поверхности планеты просканировано? – поинтересовался Карл Генрихович.

– Почти восемьдесят. Везде та же картина – полное отсутствие людей и их останков, в том числе, и в старых могилах. Поэтому обнаружение на большом острове Риеккала на Ладожском озере людей стало неожиданностью и для меня. Сейчас сканирую остров подробнейшим образом. Замечу, что эти четверо устроились там с максимально возможным комфортом, работает генератор, благодаря чему есть электричество, были замечены передвижения на моторной лодке к соседнему острову.

– Очень странно... – заметил полковник. – Четыре человека и... больше никого? Так не бывает.

– Без стороннего вмешательства не бывает, – добавил по общему каналу Леонид Петрович. – В Томске тоже найдены рабочие компы, везу их на «Петроград». Кирилл Владимирович, мы уже на подлете, пришлите, пожалуйста, дроидов принять груз.

– Сделаю, – отозвался инженер. – Дархон, просьба будет помочь разобраться в информации с планеты.

– Помогу, мне самому интересно.

Впрочем, не только ему – весь экипаж, включая стажеров, буквально изнывал от любопытства. Непонятно как обезлюдившая планета вызвала острый, болезненный интерес. Каждому чуть не до онемения хотелось понять, что же здесь произошло, как и почему. Почему-то это казалось очень важным.

Чтобы поскорее долететь до Ладожского озера, полковник на короткое время поднял челнок в стратосферу, тут же резко бросив его отвесно вниз прямо в нужную точку. Если бы не гравикомпенсаторы, людей внутри просто раздавило бы. По пилотским меркам – довольно рискованный маневр, на который идут, только если очень спешат. Нужно хорошо чувствовать машину, чтобы решиться на такое безумие.

Артем изнывал от нетерпения, ему почему-то было сильно не по себе, словно происходило что-то такое, от чего будет зависеть его жизнь. Да и не только его, судя по всему.

– Всем пристегнуться! – весело рявкнул фон Бревен, которому происходящее явно доставляло удовольствие. – Посадка по классу экстра! Кто не пристегнется, сам будет соскребать свои тушки со стен!

Артем едва успел проверить и подтянуть ремни, как челнок буквально обрушился вниз на дикой скорости, затем огненной звездой пролетел над озером, резко тормозя. Людей внутри немилосердно трясло, если бы кто-то остался не пристегнутым, то его действительно пришлось бы отскрести от стен, куда мясо неудачника налипло бы тонким слоем.

О том, что прибыл чей-то летательный аппарат местным жителям сообщил дикий рев работающего на форсаже двигателя и огненная полоса, образовавшаяся от трения поверхности челнока об воздух. Затем он резко изменил траекторию с почти вертикальной на горизонтальную, пролетел над Риеккалой, замедлился и, выпустив опоры, со свистом приземлился на большой поляне перед основательным бревенчатым домом, с порога которого на все это безобразие хмуро взирал кряжистый бородатый мужик в тельнике, кирзовых сапогах и растрепанной шапке-ушанке – для конца ноября самая подходящая одежда. Он задвигал за спину то и дело пытающиеся высунуться две любопытные мордашки мальчишек лет двенадцати-тринадцати. Из окна на втором этаже испуганно выглядывала женщина в цветастом платке.

Артем первым спустился по открывшийся аппарели вниз и направился к хозяину дома, на всякий случай активировав полевую защиту комбеза. За ним двигался полковник в сопровождении держащих оружие на изготовку десантников. Подойдя, юноша несколько минут изучал мужика, все так же молча и хмуро смотревшего на него, после чего поздоровался.

– И тебе не хворать, – пробурчал в ответ хозяин дома.

– Мое имя – Артем Михайлович Дарнье, капитан супердредноута «Петроград». За мной – полковник Карл Генрихович фон Бревен.

Десантников он представлять не стал. Мужик некоторое время смотрел на них, потом с хорошо заметной злобой сплюнул и бросил:

– Вояки! А где ж вы, суки, раньше-то были, а?! Мы тут... а-а-а...

Он в сердцах махнул рукой.

– Мы только вчера прилетели в Солнечную систему, – вздохнул Артем, понимая состояние человека, выживавшего на грани возможностей почти в одиночку. – И очень удивились, обнаружив, что местная Земля полностью обезлюдела. Вы первые, кого нам удалось отыскать. Больше нигде никого нет. Что здесь случилось? Вы можете рассказать?

– Вчера прилетели?.. – переспросил хозяин дома, его глаза начали медленно лезть на лоб. – Так вы чего, не отсюда?! Не с Земли?!

– Сами земляне, но с разных вариантов нашей родины, а жили в Таорской империи очень далеко отсюда. Корабль попал в пространственную аномалию, оказался неведомо где, с тех пор мы вот уже несколько месяцев ищем дорогу домой. После очередного перехода обнаружили Землю, обрадовались, а у вас тут такое... Так что случилось-то?..

– Вон оно как... – покачал головой мужик. – Но это разговор долгий, прошу в дом, гости дорогие. Меня Александром Викторовичем Карацупой кличут. Пацанов моих – Митькой и Петькой, а жену – Людмилой. По профессии я, только не смейтесь, историк и археолог, бывший доцент СПбГУ, Люда моей студенткой была, когда все случилось. Копали мы тут одно захоронение...

В дом следом за хозяином и его детьми вошли только Артем и Карл Генрихович, десантники извинились, оставшись снаружи – все же в скафандрах внутри будет тесновато.

На взгляд Артема, дом оказался обустроен насколько возможно хорошо, освещен электрическими лампами, внутри было тепло. В большой горнице гостей уже ждал накрытый стол с большим медным чайником на электроплитке и домашние пирожки разного размера в глиняной миске. Жена хозяина поздоровалась, видно было, что она едва сдерживает любопытство. Судя по всему, других людей здесь не видели с момента катастрофы.

Артема удивило, что дети ведут себя очень тихо и спокойно, слушаясь каждого слова и жеста отца. Видимо тот был человеком жестким и резким, а значит мог и выпороть неслуха, и они опасались вызвать его гнев. Тем временем все расселись за столом, выпили по чашке чая и съели по пирожку с брусникой. Юноша, понимая, что местные извелись от любопытства, при помощи голопроектора комбеза показал им «Петроград» и кратко рассказал о возможностях корабля.

– Сурьезная машина... – покачал головой Александр Викторович, потеревив себя за бороду. – Нам о таких и мечтать не приходилось, только планировали на Луну лететь и базу там строить. А уж теперь и вовсе...

Он обреченно вздохнул и понурился. Затем опять махнул рукой и, поняв нетерпение гостей, приступил к рассказу.

История этой планеты мало отличалась от известной Артему. Россия точно так же с невероятным трудом и скрипом выбиралась из-под влияния Запада, что вызывало там буквально зубовой скрежет. Особенно американцы ненавидели русских, осмелившихся отказаться танцевать под их дудку и отстаивать свои интересы в ущерб интересам западных корпораций. Даже Китай они ненавидели меньше и старались ущемить Россию хоть в чем-то, хоть как-то, пусть даже в мелочи, обвинив в какой-то заведомой чуши, наподобие отравления какого-то там оппозиционера боевым отравляющим веществом или использования русскими спортсменами допинга. А уж как захлебывалась от ненависти нацистская Украина, выращенная Западом как бойцовская собака, чтобы напустить ее на Россию. Правда, собачонка получилась жалкая и шелудивая, но от этого не менее мерзкая – жидко гадила везде, где можно и нельзя. Поэтому с руководством недостраны просто перестали иметь какие-либо дела. Причем, в отличие от родного мира Артема, полностью. Торговля между Россией и Украиной сошла на нет, транзитная украинская газовая труба окончательно сгнила и была перекрыта, ее электрическая сеть физически отрезана от русской. Воровать стало не у кого и нечего. Что хотели, то и получили. А что каждую зиму

недострана буквально задыхалась от отсутствия тепла и электричества? Там сама виновата. Люди? Людей, оставшихся людьми, не ставших националистами и сохранивших свою русскую идентичность, было, конечно, жаль, но они позволили нацистской нелице принять верх, получить власть. Не остановили проклятый людьми и Богом майдан, а значит, все по заслугам. За безразличие всегда спрашивается очень строго. Порой страшнее, чем за само преступление.

От отчаяния Украина, окончательно осознавая, что нежно любимый ею Запад помогать не станет, разве что старого оружия немного подкинет, чтобы украинцы побыстрее утилизируются, освобождая от своего присутствия ценные черноземы, пару раз попробовала на зуб Донбасс, а однажды даже попыталась полезть в Крым. Естественно, получила по зубам так, что кровавые брызги во все стороны полетели, и на некоторое время успокоилась. Но, к сожалению, ненадолго.

В две тысячи двадцать седьмом году Китай, которому до смерти надоело прогибаться перед западными странами, собрался окончательно решить тайваньский вопрос. Сил у самой развитой страны мира хватало, поэтому китайский флот выдвинулся к мятежному острову. Никто не осмелился вступить за него силой оружия, но визг поднялся страшный. Мир словно сошел с ума. Китайцев поливали грязью все, кому не лень. Даже союзники предпочли промолчать вместо поддержки, что партию и правительство Поднебесной явно обидело, эта обида так и сквозила из их заявлений.

И вот тогда, под шумок, поскольку весь мир был отвлечен событиями на Тайване, украинские националисты решили попытаться в очередной раз захватить то, что считали своим. Карацупа не знал каким образом, к политике он никакого отношения не имел, всегда считал ее грязью, но Украина договорилась о совместной атаке с Польшей и тремя балтийскими «тиграми». На что они все рассчитывали, когда полезли на огромного соседа, – непонятно. Видимо на то, что США и Евросоюз вступятся, если лимитрофы отчаянно завизжат: «Маленьких бьют!». Но когда русские, несколько придя в себя от такой наглости, накостыляли идиотам от души, практически уничтожив их псевдоармии, и двинулись вперед, снося перед собой все преграды, западники не вступились, только засыпали Россию нотами протеста и новыми санкциями, требуя немедленно отвести войска и извиниться, не смея наказывать агрессоров, которые-де были в своем праве, мстя за старые обиды. Русский министр иностранных дел впервые за свою карьеру матерно послал «дорогих партнеров» в прямом эфире, точно сообщив адрес, куда оным господам следует

отправиться. Видимо, отправляться туда кто-то высокопоставленный из американского истеблишмента не пожелал, и в сторону России вылетело около десятка ракет, что сопровождалось наглым требованием перетерпеть это и сдаться, не принимая никаких ответных мер. Ответом стал старт такого же числа русских сверхзвуковых ракет, нацеленных на Вашингтон, Нью-Йорк и Сиэтл. Они достигли цели, хваленая американская ПВО оказалась не в силах остановить их. Из американских цели достигли только три из десяти.

К сожалению, обозленные американцы тут же начали массированную атаку, и началась всеобщая бойня. Вот только когда прорвавшиеся ракеты накрыли свои цели, произошло что-то странное.

Александр Викторовичу, с ужасом наблюдавшему по смартфону за тем, как над далекими Питером и Москвой, а транслировали в интернет происходящее тысячи человек, встают десятки атомных грибов, показалось, что сотрясся сам мир и словно бы раздвоился на мгновение. А когда все закончилось, вдруг выяснилось, что эфир девственно пуст. Связь и интернет мгновенно исчезли. Этого не могло быть просто потому, что не могло быть никогда. По определению! Городов и городков в той же России однозначно уцелело множество, где-то кто-то обязательно должен был сообщить о себе хотя бы по радио. Однако везде царило молчание.

На острове из членов археологической экспедиции выжило семь человек, еще пятеро, отправившиеся вчера на лодке в ближайшую деревню, исчезли вместе со всеми остальными. Правда, это выяснилось несколько позже. А на следующий день после катастрофы доцент Карацупа в сопровождении двух самых сильных студентов, а в лагере из преподавателей остался только он, самый молодой, отправился на большую землю выяснять, как там обстоят дела. Понятно, что война, ядерные взрывы, разрушение Санкт-Петербурга, но ближайšie города и поселки никто не атаковал, там должны были сохраниться власть и аварийные службы. Однако выживших настигло потрясение – первый же попавшийся на дороге поселок оказался полностью пуст, ни одного человека в нем не было.

За следующие два дня археологи обыскали десятка два небольших городов и деревень. Нигде и никого! Да о чем речь, исчезли даже собаки и кошки, как и другие одомашненные человеком животные. А вот дикие никуда не делись – Александр Викторович несколько раз видел зайцев, кабанов и даже медведя, поспешившего при виде людей скрыться в лесу. Однако вскоре пришлось возвращаться, загрузив лодку продуктами из магазинов – воровать не хотелось,

но деваться было некуда, да и платить некому.

На острове полученным известиям поначалу не поверили, убедили сомневающихся только снятые во время путешествия видео. Семеро выживших долго судили и рядили, что делать дальше. Александр Викторович, как самый практичный, заподозрил, что везде то же самое, и ратовал за то, что надо как-то устраиваться жить на острове. В развалинах, по его мнению, делать было нечего. Зато студенты никак не желали поверить, что привычная жизнь навсегда закончилась, и призывали отправляться в окрестности больших городов, забыв о радиации. Доцент напомнил им об этом, студенты ненадолго успокоились, но потом все равно решили выдвигаться к Питеру, а потом и к Москве, не приближаясь к ним ближе ста километров, тогда, мол, и радиация не страшна. Откуда они это взяли Александр Викторович не знал, но разубедить молодых дураков, уверенных, что обязательно найдут других людей, не сумел. В итоге он остался на Риеккале с Людмилой, тихой, домашней девушкой, шарахающейся от любых приключений, как черт от ладана. Ехать с пятью безголовыми башибузуками, как она выразилась, у нее никакого желания не было – никто не знает, что им может взбрести в головы. Дури у всех хватало.

Вот так они с будущей женой и остались вдвоем. Историк в детстве жил в деревне, руки у него росли из правильного места, а с материалами проблем не было – городов и поселков с кучей забитых под завязку складов в Карелии хватало. Поэтому он не спеша выстроил и обустроил большой бревенчатый дом, забил продуктами огромный подвал и только после этого, по прошествии трех лет и рождения первого сына, выбрался на разведку. Студенты как уехали, так и пропали, ухнули, как камни в омут. Что с ними случилось и где они сгинули Александр Викторович понятия не имел. В глубине души он, правда, надеялся, что все же найдет людей или хотя бы кого-то из этих пятерых дураков. Но не нашел даже в самой своей дальней экспедиции, добравшись до окрестностей Ростова на перебранном лично до последнего винтика отечественном джипе «Тигр», который обнаружил с ключами в замке возле здания банка в Медвежьегорске. Машина оказалась очень надежная, хоть и прожорливая, но Карацупе экономить было незачем – бензина хватит и правнукам, сколько его ни трать. Вот только выжить было очень проблематично, из них с Людмилой Адам и Ева плохие. Одних мальчишек породили. На ком им, когда вырастут, жениться?

Рассказывать о робинзонаде молодой семьи можно было долго, но смысла это не имело ни малейшего. Главным выводом стало то, что других людей, кроме Александра Викторовича, его жены и детей на планете Земля нет. Студенты,

похоже, где-то и как-то погибли.

- Да уж... - покачал головой Артем. - Вам не позавидуешь...

Он ненадолго умолк, затем поднял глаза вверх:

- Дархон, ты закончил сканирование планеты?

- Закончил, - хмуро отозвался тот. - Никого и ничего. Только семья доцента. Но я, похоже, понял в чем дело. И, как я уже говорил, пора сматываться отсюда и как можно быстрее. Причем вытащить нас отсюда сможешь только ты. Не понял еще, где мы оказались?

- Нет...

- В момент взрыва ядерных зарядов образовалась волна энергии, которой оказалось достаточно, чтобы отразить планету в микровселенную, так называемый карман, но без принадлежавших к ее эгрегору разумных. Такое изредка случается. Но главное в том, что живут такие микровселенные очень и очень недолго. Я удивлен, что эта продержалась столько лет. Видимо только из-за того, что в нее каким-то чудом попало несколько человек с материнской планеты.

- А вы кто такой? - поинтересовался Александр Викторович.

- Искусственный интеллект корабля, разумный, - ответил Дархон.

- То есть, этой планеты вскоре не станет? - спросил Артем.

- Именно. А Александра Викторовича с семьей придется забирать с собой, иначе не выживут. Я только что получил данные, что за время нашего пребывания в этой микровселенной она уменьшилась на сто пятьдесят тысяч километров. Возможно, это наше проникновение сюда спровоцировало схлопывание, не могу сказать точно, не хватает данных. Но вселенная однозначно схлопывается, гибнет, и если мы не хотим исчезнуть вместе с ней, то желательно поскорее убраться отсюда.

– Ясно... – недовольно пробурчал юноша, затем перевел взгляд на хозяина дома. – Александр Викторович, вот такие нехорошие дела, вы сами слышали. На планете других людей нет, существовать ей осталось несколько недель, максимум месяцев. Потом погибнете. Приглашаю вас с семьей к нам на корабль. Мы ищем дорогу домой. В Таорской империи русским всегда рады. Захотите, пойдете после установки импланта в ученики к кому-то из офицеров «Петрограда».

– Папа! – разом подпрыгнули двое мальчишек, их глаза буквально горели энтузиазмом.

Артем улыбнулся – ну еще бы, настоящий космический корабль! Кто из юных романтиков не захотел бы на нем оказаться? А вот их отец задумался. Он не знал верить или нет гостям. Бросать все нажитое не хотелось. Но вдруг они правы, и планета действительно на грани гибели? Тогда лететь с ними – единственный выход. Вот только как им с женой привыкать на старости лет к реалиям куда более развитой цивилизации, чем земная? Мальчишкам-то что, в их возрасте легко привыкнут. Впрочем, перспектив жизни здесь все равно никаких – в то, что больше людей на Земле нет, Александр Викторович поверил легко, сам видел пустые города. Дети, когда вырастут, не скажут спасибо за отсутствие брачных партнеров. Да, выбора-то на самом деле и нет. Спасибо гостям за то, что людьми оказались, а не сволочами – не бросили на произвол судьбы, а позвали с собой.

– Только не берите с собой много вещей, – понял решение историка по его виду Артем. – Сами подумайте, что может пригодиться в космической цивилизации, а что нет.

Александр Викторович медленно наклонил голову, затем тяжело посмотрел на испуганную Людмилу, на радостно завизжавших мальчишек и медленно встал. Пора было готовиться к отлету.

Глава III

Несколько переходов из вселенной во вселенную прошли впустую, «Петроград» выходил в реальное пространство далеко от звездных систем, в пустом космосе,

где ничего, кроме редких астероидов, не было. Только однажды среди каменных обломков был обнаружен небольшой кораблик неизвестной цивилизации, который по быстрому обследовали и, не найдя ничего интересного, кроме трупов двух похожих на бесперых птиц существ, бросили. Разве что компьютеры, выглядящие, как скрутки разной толщины стальных прутьев, забрали, будет Дархону чем на досуге заняться, расшифровывая чужие форматы данных и протоколы связи.

Как ни удивительно, уйти из схлопывающейся микро-вселенной удалось без особого труда. Словно кто-то заранее проложил оттуда дорогу, по крайней мере, у Артема возникло такое впечатление. Хотелось бы этим впечатлением поделиться, но с кем? Разве что с Дархоном.

– Очень может быть, что за тобой наблюдает взрослый сородич, – заметил тот, выслушав сбивчивый рассказ юноши. – Вас слишком мало, чтобы твое развитие пустили на самотек.

– Так появился бы и сказал, чего хочет! – вспылил Артем.

– Э, нет, – противно захихикал искин. – Это так не работает, милый. Скорее всего, тебя будут аккуратно направлять то туда, то сюда, наблюдая со стороны, как ты учишься тому или сему. Насколько я слышал о Странниках, они напрямую никогда не действуют, всегда с подковыркой какой-то. Так что даже не надейся, что что к тебе подойдут и скажут, чего хотят. Самому придется догадываться.

– Как же я этого не люблю... – простонал юноша. – Ну зачем нужны всякие выкрутасы?! Ведь проще же напрямую сказать!

– Результат будет намного хуже, – возразил Даргон. – Зато если сам дойдешь до чего-то, то усвоишь это крепко-накрепко. Полученное готовеньким быстро забывается. Извини, но это давно установленный факт. И уж кто-кто, а Странники это знают, тем более Авари. Сам посуди – скольким вещам ты уже научился просто потому, что жизнь заставила.

– Может, и так, – недовольно проворчал Артем, которому все равно было противно. – Ладно, все равно ничего не поделаешь. Пора дальше отправляться.

Он уже привычным усилием потянулся к чему-то невидимому, вслушался в пространство и внезапно понял, что должен пойти не туда, куда было наиболее удобно пойти, а вон туда – там был кто-то нужный не только ему, но и всему... Клану? Экипажу? Или чему-то еще. Артем несколько удивился своим мыслям, никогда ранее он не думал об экипаже «Петрограда», как о своем клане, но времени не было, эти кто-то там, далеко, могли погибнуть, их нужно было успеть спасти. Однако там кораблю могла угрожать опасность, поэтому Артем окинул взглядом экспертов на боевых постах и скомандовал, удивляясь своим неизвестно откуда пришедшим знаниям:

– Боевая тревога! На месте выхода идет сражение! Нападение пиратов на колонию!

– Есть! – тут же отозвался Леонид Петрович, ударил кулаком по шестиугольному тревожному сенсору в центре пульта, и в коридорах «Петрограда» зазвучала сирена под мерцание красных ламп. Все, включая стажеров, кто не находился на своих постах, поспешили на них. Только семья новичков настороженно вскинулась в своей каюте. Супердредноут окутался защитными полями, накопители натужно загудели, накачивая энергию в мезонные и гиперорудия.

Артем окутал «Петроград» дополнительной «конечностью» – бесконечным полотнищем – и одним рывком переместил его туда, куда требовалось. Он не ошибся, там действительно шел бой. Десятка три потрепанных фрегатов и корветов довольно странной формы лениво добивали пытающиеся спрятаться за астероиды явно шахтерские кораблики. Если судить по навесному оборудованию. Никто, кроме пиратов, уничтожать шахтеров не стал бы, а раз так, они сами выбрали свою судьбу. И «Петроград», оказавшийся в гуще сражения, плюнул во все стороны огнем мезонных пушек – для всей этой шушеры гиперорудия были бы слишком мощными.

* * *

Семен лихорадочно уводил своего шахтера из-под огня фрегата корпорации, и это удавалось бывшему пилоту-истребителю, сказывалась разница в уровне пилотирования. Корпорат промахивался и с каждым мгновением злился все больше, что сказывалось на его действиях. Штабс-капитан зло усмехнулся. Впрочем, какой там штабс-капитан! Был когда-то, когда еще жила его родная страна, еще не превратилась в кубло змей, так называемую демократическую

республику, где каждый жрал каждого, где совесть и честь отсутствовали, как понятия. Только деньги! Все покупается и все продается! На любого имеющего хоть какие-то моральные принципы тут же накидывались скопом и начинали оголтелую травлю.

Выжившие после войны имперские офицеры все до единого угодили на каторгу, демократы не простили им своего страха, ведь имперцы были в шаге от победы, переломить ситуацию помогло, как всегда, предательство. Демократы ведь способны побеждать только и исключительно подлостью, возведенной ими в ранг доблести. Не зря говорят, что демократия – это власть демократов, а отнюдь не народа. Для этих господ народ – быдло, не имеющее права на собственное мнение и обязанное почтительно внимать «властителям умов», коими твари ошибочно считают себя. А когда понимают, что это не так, начинают показательно страдать на тему, что народ им, увы и ах, достался не тот, неправильный им достался народ, и его надо изменить, а если не получится – уничтожить, чтобы не мешал нежно любимому Западу превращать людей в скотов.

Вся вторая, так называемая «Черная» эскадрилья с погибшего авианосца «Георгий II» была в полном составе сослана на трансурановые рудники. Пожизненно. Поскольку пилоты служить победителям, начавшим радостно рвать страну на части, демонстративно не пожелали, публично высказав все, что думают о «демократии» и «демократах». Этого им, конечно, не простили. Суд был «образцово-показательный» с обязательными воплями об опричниках кровавого режима, об их кошмарных преступлениях. Правда, свидетельств последних не нашлось, но ведь и уничтожение истребителями вражеских кораблей можно объявить убийством патриотов и добровольцев. Приговор был ясен заранее – пожизненная каторга. Но никто из пилотов не подписал прошения о помиловании, ведь к оному прошению обязательно прилагалось прилюдное, через прессу покаяние и отказ от имперских взглядов вкупе с присягой демократическому правительству. На такое бесчестье ни один русский офицер пойти не мог.

На каторге пилотам Черной эскадрильи поначалу пришлось нелегко, но сплоченная группа боевых офицеров отбилась от уголовников, заставив себя уважать, пусть и дорогой ценой – в стычке погибло двое товарищей. В итоге пилотов осталось семеро. Командовал ими по старой памяти разжалованный майор граф Ростовцев, остальные в прошлом имели звания капитанов и штабс-капитанов. Семен Николаевич Градин был из последних, новые погоны он

получить попросту не успел, хотя представление уже ушло командованию. Но... война была проиграна. И предало как раз командование, генералы и адмиралы, которым демократы что-то там наобещали. Естественно, после победы они своих обещаний не выполнили, демократы их никогда не выполняют, и предатели все до единого вылетели в отставку без выходного пособия, а кое-кого даже расстреляли. Достойная плата за предательство. Странно, но предадут большей частью чаще всего именно высокопоставленные господа. Почему? Чего им не хватает? Ведь у них всего намного больше, чем у других. Так чем же обусловлена их низкая моральная устойчивость? Гордыней? Уверенностью в собственной сверхценности? Или чем-то еще? Увы, понять это за всю историю человечества не удалось еще никому.

Два года существования, а жизнью это назвать было нельзя, на рудниках прошли, когда в системе неожиданно появились боевые корабли корпорации «Neon Inc», принадлежавшей заклятым партнерам демократов, американцам, и первым делом уничтожили патрульные фрегаты, охранявшие узников. Это как раз перед тем, как за добытыми за полгода трансуранидами должен был прибыть караван. А значит, свидетелей грабежа никто в живых оставлять не будет. Пилоты Черной эскадрильи поняли это сразу и решили дорого продать свои жизни. Боевого опыта им было не занимать, пусть даже шахтерские кораблики и не вооружены, разве что промышленный лазер имеется, но ведь можно заманить противников в пояс астероидов, а там уже повеселиться на славу. У корпоратов пилоты были среднего звена, поскольку асам требовалось много платить, а делать этого господам бизнесменам не позволяла скупость. Вот и набирали они персонал из только что закончившего гражданские летные училища молодняка, толку с которого в бою с профессионалами было очень мало. Если вообще был.

Поэтому черные асы, как иногда называли пилотов их эскадрильи еще в имперские времена, не стали слушать предложений американской швали о сдаче, а направили своих шахтеров в пояс астероидов, разойдясь широким веером. А при приближении противника начали крутить боевую карусель, сразу дав понять корпоратам, что перед ними опытные бойцы, справиться с которыми будет очень непросто. Но у тех был жесткий приказ не оставлять свидетелей, и они, быстро расстреляв сдавшихся блатных и охранников, полезли следом за пилотами эскадрильи в астероиды, почти сразу потеряв два корабля – мало кто способен постоянно уворачиваться от летающих в полном беспорядке каменных глыб. Это обозлило нападавших до предела, и они принялись обещать черным асам по радио все муки ада. Вот только поймать их никак не могли. А на их вопли на английском никто внимания не обращал, пусть себе орут, хоть

оборотся. Также по всей системе шла охота за другими каторжниками, которых отлавливали и взрывали одной-двумя ракетами, в плен брать их никто не собирався. Вскоре, кроме пилотов эскадрильи и двух самых вертких блатных, в системе никого из русских не осталось. Даже административный корпус вместе с воющими от ужаса административными служащими, готовыми на любую мерзость, лишь бы их только оставили в живых, просто изничтожили несколькими залпами бортовых орудий крейсера, возглавляющего атаку.

Корпораты продолжали охоту на черных асов, когда случилось нечто непонятное. Всем людям в системе показалось, что само пространство вдруг словно сдвинулось с места и повернулось, даже вывернулось наизнанку, на мгновение приоткрыв проход в какую-то бездну, где человеку совсем не место. А затем невдалеке от пояса астероидов вдруг возникло огромное металлическое зубило чуть ли не километровой длины, оно было все усеяно надстройками и антеннами самого хищного вида и явно боевого предназначения. По борту шла гигантская надпись «Петроград». На русском языке! Пилоты эскадрильи от увиденного едва не впали в протрацию, уж они-то лучше всех знали, что настолько больших кораблей во флоте империи нет и никогда не было. Не строили кораблей такого размера! Невыгодно.

– Господа, а ведь этот «Петроград» к бою готовится, – заметил по общему каналу капитан Петров, – защитные поля поднял.

– Знать бы еще на чьей стороне он выступит, – хмуро пробурчал в ответ майор Ростовцев. – Если по нам ударит, то испарит вместе с поясом астероидов. Представляете мощь пушек такого гиганта?

– Да уж представляем, – отозвались остальные пилоты.

В это мгновение пришелец плюнул огнем во все стороны. И больше половины корпоратов в одно мгновение приказали долго жить. Черные асы испытали немалое облегчение, умирать им все-таки не хотелось. Интересно, кто прилетел на этом корабле? Имперцы, демократы или... кто-то другой?

Ответный огонь корпоратов был «Петрограду», что слону дробина, – он этого огня попросту не заметил, защитные поля справились, пилотам эскадрильи захотелось растерянно почесать в затылках в попытках понять, что за генераторы на этой машине стоят. Затем корабль еще несколько раз плюнул

огнем, уничтожив всех сопротивлявшихся, а попытавшихся сбежать вообще стер из реальности непонятным образом, от них остались только облачка пыли, быстро рассеявшиеся в пространстве.

– Это что ж у него за оружие такое? – растерянно спросил непонятно у кого штабс-капитан Ковальский, шептун поляк, давно забывший свои польские корни и верно служивший России.

– Понятия не имею, – ответил считавшийся в эскадрилье знатоком новых вооружений капитан Дадиани, он говорил с легким, почти неуловимым грузинским акцентом. – Ни о чем подобном никогда не слышал и не читал.

Пришелец тем временем принялся короткими пульсациями через гиперпространство облетать систему, явно в поисках выживших. Пульсации тоже считались физически невозможными, и офицеры смотрели на них вытаращенными глазами. До них постепенно начало доходить, что перед ними не просто гости, а гости извне, неизвестная цивилизация. Но тогда почему название корабля написано по-русски?!

«Петроград» приблизился к поясу астероидов недалеко от места, где прятались пилоты эскадрильи. Ну точно, по их головы.

– Внимание! – послышался по общему для шахтеров каналу связи чей-то молодой голос. – Говорит капитан супердредноута «Петроград» Артем Дарнье. Господа выжившие, мы готовы взять вас на борт, открываем двенадцатую аппарель и ждем два часа, аппарель будет подсвечена синей рамкой. Да, хотим сразу предупредить, что уголовных преступников мы спасать не будем. По прошествии указанного времени корабль покинет систему.

Некоторое время царило молчание, затем майор Ростовцев тремя условными щелчками по шлему возле микрофона отдал приказ переключиться на резервный секретный канал, все пилоты перенастроили рации своих шахтеров еще в первый месяц на каторге, чтобы иметь возможность общаться без внимания администрации.

– Ну что думаете, господа? – поинтересовался он, когда все переключились.

– А что тут думать? – спросил штабс-капитан Дейнего. – Без помощи мы загнемся за два дня.

– Но мы не знаем, кто это и чего они от нас потребуют, – заметил Дадиани.

– Знаете, а моя интуиция буквально вопит, что мы будем идиотами, если не примем это предложение, – негромко сказал Семен.

Остальные задумались – об интуиции штабс-капитана Градина на авианосце, где они служили, ходили легенды. И раз он говорит, что предложение чужаков стоит принять, то лучше это сделать. Однако не успели они ничего сделать, как произошли очень интересные события:

– Меня подберите, пане-господа! – раздался по общему каналу противный голосишко, услышав который пилоты дружно скривились, узнав Федьку Гундосого, одного из самых гнусных личностей на каторге. Его даже уголовники презирали, он был скользкий, подлый, готовый на любую мерзость, чтобы хоть чуть-чуть облегчить себе существование, и по статье сидел специфической. За изнасилование и убийство детей. Посажен был еще в имперские времена, сейчас бы остался на свободе, демократы уже заявили, что педофилию следует объявить нормой. – Я, свят-свят, не бандит! Я отслужу!

– Пошел вон, тварь! – в молодом голосе капитана «Петрограда» слышалось откровенное омерзение.

– Почему? – спросил кто-то гулким басом.

– А потому, Карл Генрихович, – ответил Дарнье, – что я вижу, кто перед нами. Вот этот скот детей насиловал и убивал после этого, понимаете?

– Ты уверен?

– Полностью!

– Тогда ты прав, нам таких точно не надо, – констатировал обладатель баса.

– Вот именно, – подтвердил капитан «Петрограда». – Единственным милосердием с нашей стороны для него может быть только быстрая смерть. Михаил Иванович, отметьте для себя шахтер этого маньяка. Попробует приблизиться – расстреляйте.

– Есть! – отозвался еще чей-то голос.

– И да, – добавил Дарнье, – вон в том скоплении камней прячется еще одна сволочь. Так называемый вор в законе, иначе говоря мразь, по вине которой совершаются убийства, изнасилования и грабежи. Мразь, виновная в том, что преступность вообще существует. Если появится – тоже расстрелять!

– А кого же мы тогда ждем? – спросил Карл Генрихович. – Ты опять что-то почувствовал?

– Да, хотел сначала переместиться совсем в другое место, но вдруг уловил отсюда зов, понял, что здесь люди, которые нам нужны, настоящие люди, которые не подведут.

– Уж не пилотов ли истребителей ты нам нашел? – прозвучал четвертый голос.

– Все может быть, – явно смутился капитан «Петрограда». – Но я уверен, что остальные, их, кстати, семеро, люди чести. Наши люди. Русские офицеры. Понятия не имею, откуда я это знаю, знания, как всегда, приходят сами собой.

– Ладно, подождем. Я пока пошлю дроидов, пусть поищут что-нибудь ценное, может хоть немного трансуранидов удастся найти, а то наши запасы скоро закончатся.

Некоторое время царило молчание, каждый из пилотов обдумывал услышанное. Отношение явно очень молодого капитана к бандитам, насильникам и убийцам офицерам понравилось, только так с этими сволочами и надо. Тот же Федька Гундосый, услышав, что по нему приказали стрелять, тут же спрятался обратно в нагромождение камней и сидел там тихо-тихо, не решаясь даже пискнуть, чтобы не обратили внимания. Выживший вор в законе, явно слышавший разговор, тоже не давал о себе знать. Ну и пусть им, долго в разгромленной системе они не протянут. А вот Черной эскадрилье, похоже, с этими чужаками по пути.

– Ну что, друзья, двинулись? – после десятиминутных размышлений поинтересовался Ростовцев. – Я за то, чтобы принять предложение этих странных пришельцев.

– Предложение? – удивился Ковальский. – А разве они нам что-то предлагали? Кроме спасения.

– А ты разве не слышал вопроса о том, что не пилотов ли истребителей им нашли?

– Слышал... – протянул поляк. – А что? Людям чести можно и послужить. Главное, чтобы не демократам поганым.

Остальные пилоты поддержали товарища согласным гулом. Ну а после того, как решение было принято, Черная эскадрилья выбралась из пояса астероидов и в идеально ровном построении двинулась к «Петрограду». Пролетев мимо корабля, оказавшегося попросту огромным, около километра, шахтерские корабли один за другим нырнули в раскрытую аппарель и оказались в ангаре. Каждый отметил про себя толщину брони корабля – сорок метров. Ковальский только присвистнул после этого. Оружия, способного пробить такую броню, в бывшей империи не знали.

Встречал пилотов высокий офицер, больше, чем двухметрового роста. Он представился полковником Карлом фон Бревеном. Между прочим, довольно известный в империи род. Ян Ковальский был неплохо знаком с наследником этого рода, Михаилом фон Бревеном, около года служили вместе, и сразу отметил фамильное сходство – буквально одно лицо. К сожалению, Михаил погиб во время войны с демократами, будь они прокляты во веки веков.

– Господин полковник! – сами собой щелкнули каблуки привыкших к субординации офицеров.

Тот едва заметно усмехнулся и позвал пилотов за собой. Странная транспортная платформа, похожая на розовую мыльницу, немало насмешила их, но вида ни один не подал. Уже только по одной этой платформе становилось ясно, что это гости извне – ни одно известное государство такими не пользовалось. Наконец оказавшись в большом зале, уставленном десятками пультов, офицеры

осмотрелись. По всей видимости, ходовая рубка.

– Добрый день, господа! – поздоровался сидящий на возвышении в явно капитанском кресле молодой человек в строгом черном комбинезоне. – Или товарищи?

– В смысле? – не понял его Ростовцев.

– Значит, в вашей ветви истории революции не было, – констатировал капитан, переглянувшись с приведшим пилотов полковником. – Да-да, господа, люди, которых вы видите перед собой, из разных вариантов истории России и из разных времен. Например, я из 2024 года, из Санкт-Петербурга, это имя было возвращено городу в начале 1990 годов, ранее он более шестидесяти лет назывался Ленинградом. Карл Генрихович – из 1904 года, погиб во время русско-японской войны в Порт-Артуре. Многие из нас вообще из XIX-го столетия.

– Как это может быть?.. – растерянно помотал головой майор.

И тогда пилотам коротко поведали о Таорской империи и о том, как туда попадают русские из разных вселенных, что стало ясно, когда сравнили известную историю и выяснили, что многие события разные люди помнят по-разному. А потом рассказали историю супердредноута «Петроград», искрина Дархона и молодого Странника по имени Артем.

– Мы уже много месяцев ищем дорогу домой, – грустно сказал капитан Дарнье. – Не знаю, сколько времени на это потребуется, но иногда у меня возникает ощущение, что это не просто путешествие, а некая миссия, возложенная на нас высшими силами. Так ли это я не знаю. Но не сдамся. А кто вы и что с вами случилось?

Ростовцев помрачнел и рассказал о страшной Гражданской войне, разразившейся в Российской империи в двадцать четвертом столетии с подачи, конечно, «дорогих друзей» с Запада, которым набирающая силу и колонизирующая планету за планетой империя стояла костью в горле.

– И, как всегда, предали богатые и сытые? – как-то странно усмехнулся капитан Дарнье.

– Именно так, – подтвердил майор.

Услышав, что всех оставшихся верных империи офицеров либо расстреляли, либо пожизненно сослали на каторгу, члены экипажа «Петрограда» переглянулись. Им явно хотелось помочь всем, но сделать этого возможности не имелось.

– Позвольте представиться и представить вам своих друзей и сослуживцев. Я майор Ростовцев Аристарх Олегович. Слева от меня стоят Нилов Петр Петрович, Дейнего Олег Борисович и Ковальский Ян Бенедиктович. Справа – Петров Иван Александрович, Дадиани Вахтанг Левадович и Градин Семен Николаевич.

Члены экипажа «Петрограда» встали и вежливо поклонились. Капитан по очереди представил их. Пилотов несколько удивило наличие среди боевых офицеров еврея и корейца, в империи подобное было очень маловероятным, желающему стать офицером инородцу, если он не грузин или поляк, приходилось прикладывать для достижения цели огромные усилия, и далеко не всегда они приводили к успеху.

– В общем, у нас есть к вам предложение, господа, – заговорил фон Бревен, бросив взгляд на своего капитана. – У нас считай отсутствует авиакрыло. Истребители приобретены, но пилот всего один, и это неопытная девушка. Да, она лонгарка и отлично летает, но это не отменяет ее неопытности.

– Лонгарка? – не понял майор.

– Другая разумная раса, двуногие прямоходящие волки, – пояснил полковник.

Пилоты опять переглянулись. Их родная Земля, колонизировав несколько десятков планет, других разумных существ так и не встретила.

– Так вот, я предлагаю вам, господа, наняться к нам, в частную военную компанию «Деяние», пилотами авиакрыла, – продолжил фон Бревен. – Оплату и долю в добыче обсудим. Домой вам, насколько я понимаю, возвращаться смысла не имеет, вас тут же спровадят обратно на каторгу.

– Спроведят... – вынужден был согласиться Ростовцев. – Но за побег скорее расстреляют. Что ж, я склонен принять ваше предложение. Но я говорю только за себя.

Остальные шестеро пилотов думали недолго, раз их майор согласен, то и им сюда дорога. Снова на каторгу только за то, что верой и правдой служили империи? Не хочется. Не заслужили они этого.

– А на каких машинах предстоит летать? – поинтересовался Дейнего.

– «Альфа» третьей модели, – ответил вместо полковника первый пилот, Мохов Леонид Петрович. – Вполне неплохая машина...

– Уже не совсем «Альфа», – перебил его неизвестно откуда идущий голос. – Точнее, уже совсем не «Альфа». Мне стало скучно, и я перебрал истребители, сделав из них космолеты совсем другого класса. Использовал технологии моего народа, они, насколько помните, превышают ваши на тысячелетия.

– А кто вы? – рискнул спросить Ростовцев.

– Дархон, разумный искин, – ответил голос. – Но познакомимся позже. Артем, нас вызывают по связи, которая была доступна только мне. Но говорить хотят с тобой.

– Кто? – удивился молодой капитан.

– Понятия не имею. Но советую ответить.

– Хорошо, подключайся к моему импланту, открываю 134-й порт.

Пилоты переглянулись уже в который раз, заметив явное удивление экипажа «Петрограда». Похоже происходит что-то неожиданное для них. Но что?

Странник с веселым изумлением смотрел на творящийся беспредел. Нет, ну надо же как все складывается! Мальчишка все-таки не полез в песочницу, вывернулся в последний момент. Причем явно ощутил Зов от возможных членов своего Клана. Он все-таки собирает Клан, хотя ему рано, и это удивительно. Но зато хотя бы стало ясно зачем дурачок таскает на себе неуклюжее железное корыто, по недоразумению называемое дредноутом. Иначе ему никак не захватить с собой своих соклановцев, не умеет еще перемещать нужных разумных без вспомогательных устройств. Ничего, со временем научится. Но в песочницу его все равно надо направить.

Быстро просмотрев ближайшие вероятности, Странник принялся непотребно ржать – их старая головная боль уловила, что появился Восьмой, и без промедления вышла на него, пытаясь решить свою набившую оскомину старую проблему. Ну да, хотя бы воспользоваться тем, что мальчишка глуп и неопытен, и усесться ему на голову. Что ж, будет дурачку урок. Вывернется из ловушки – молодец. Не вывернется?.. Ну, кто ж ему доктор...

Удобно устроившись в волнах эфира, Странник приготовился наблюдать за интересным спектаклем.

Дархон попросил всех членов экипажа сохранять молчание, говорить должен был только и исключительно капитан, поскольку, простите уж, с точки зрения сверхцивилизаций и сверхсущностей только он относительно равен им, а остальные воспринимаются как глупые дикари, а то и вообще как полуживотные. Может, это и не так, но лучше не рисковать. Эксперты переглянулись и молча наклонили головы, соглашаясь и собираясь внимательно выслушать и обдумать предстоящую беседу. Новичков быстро рассадили в свободные кресла, которых в рубке хватало, строго-настрого приказав молчать и ничем не выдавать своего удивления.

Некоторое время царило молчание, а затем в ходовой рубке «Петрограда» раздался какой-то потусторонний, холодный, пробирающий до костей голос:

– Народ Эрх-Ар приветствует вас, Восьмой Авари!

«Артем! – обратился к юноше по закрытому каналу Дархон. – Я слышал об этой сверхцивилизации еще у себя дома, много миллионов лет назад. Ни в коем случае

не проговорись, что ты неопытный Авари, иначе сожрут. К тому же меня настораживает, что за такой огромный срок эта цивилизация все еще не перешла. Это значит, у них что-то неправильно в самой консерватории, иначе говоря, в самой основе бытия. Будь очень осторожен! Не скажи ничего лишнего, они этим тут же воспользуются!»

«Вот же блин! – расстроился юноша. – Только этого мне и не хватало! Может просто послать их лесом?»

«Я бы не советовал, способны нагадить, и хорошо нагадить. Ты можешь пообещать посмотреть на их проблему, но сроки не сообщать. Поглядишь, коли чего в голову придет, скажешь. А нет, так нет. Они, насколько я слышал, с какой-то своей проблемой уже десятки миллионов лет носятся, как дурень с писаной торбой».

«Ладно, поглядим».

– Приветствую вас, народ Эрх-Ар, – отозвался Артем. – Что вы хотели?

Он не стал разводить политесов, внимание сильномогучих нужно было юноше примерно, как собаке пятая нога. Единственное желание, которое сейчас буквально жгло его, это чтобы все эти сущности, сверхцивилизации и иже с ними от него наконец отстали, ибо надоели хуже горькой редьки. В Таору бы вернуться и начать потихоньку выстраивать свою жизнь. Только все относительно нормально стало, только мало-мальски обустроился, как «Петроград» вышвырнуло незнамо куда, ищи теперь дорогу домой.

– Возможно, вы слышали о нашей старой проблеме, – голос звучал все так же потусторонне и безразлично. – Разрешить ее может только Авари, и это нам давно известно. Или хотя бы указать пути решения. Но вас очень трудно найти.

– Так слишком многие хотят за наш счет решить свои вопросы, – насмешливо хмыкнул Артем. – А у нас и своих проблем хватает. Вот и вынуждены скрываться. В случае большой беды мы помогаем. Но только в случае беды. Ваша проблема, насколько мне известно, бедой не является. Это всего лишь проблема.

Он говорил по какому-то наитию, не слыша звучащего в каком-то ином пространстве веселого смеха взрослого Странника, удивляющегося про себя,

откуда ребенок все это знает.

– Это с какой стороны посмотреть, – в голосе Эрх-Ар впервые проявилось какое-то чувство, а именно досада. – Для нас это беда, поскольку в результате наш эгрегор разделен на части и не может стать единым целым.

– Именно это мешает вашему Переходу? – поинтересовался Артем, вспомнив слова Дархона. – Вам ведь давно пора...

– Пора, – согласился посланец сверхцивилизации. – Разделение – одна из причин задержки на этом уровне, хоть и не единственная.

– Но ведь вы сами спровоцировали разделение, – откуда молодой Странник это узнал он понятия не имел, словно словно подсказал кто-то.

– Сами, – через некоторое время с явной горечью признал Эрх-Ар. – Тогда у нас имелись разногласия, и мы решили разделить эгрегор на разных уровнях бытия, физически поселив народ в отдельных анклавах не совмещающихся никоим образом вселенных, к тому же поставив между ними непреодолимые барьеры. Но это оказалось ошибкой. Страшной ошибкой. С тех пор мы пытаемся ее исправить уже десятки миллионов лет, из-за нее мы все еще здесь, а не в Сферах Творения. Мало того... – он помолчал, видимо решаясь сказать. – Мы понемногу деградируем...

В ином пространстве взрослый Странник очень удивился. Неопытный ребенок смог вызвать гордых до безумия Эрх-Ар на откровенность? Очень странно. Или они уже настолько отчаялись, что готовы на все? Похоже, ситуация еще более любопытная, чем он предполагал. Интересно, что сделает мальчишка? Ведь он, судя по поведению, каким-то образом подключился к общему инфополю.

Артем размышлял, пытаясь понять, что же это высокоумное дурачье натворило. И видел аналогии в истории родной Земли – разделение единого народа на части и их обособление друг от друга. Такое не раз происходило, и никогда не приводило к чему-либо хорошему. Взять хотя бы идиотское разделение русского народа на три части. Гадость же в итоге получилась. Видимо, и у этих

разделение привело к неприятным последствиям. Да и не могло быть иначе.

Вопрос только в одном: он-то здесь чем может помочь? Ладно был бы взрослым, опытным Странником, все знающим и умеющим, так нет же, надо честно признать, что он – неопытный юнец, гуляющий по пороховому погребу с горящим факелом в руках. И то, что все еще не рвануло, просто чудо.

– Чего вы хотите от меня? – наконец сформулировал вопрос юноша.

– Посмотреть на проблему свежим взглядом, может вы поймете, что вообще можно сделать, – ответил Эрх-Ар.

– Но я не могу ничего обещать, – хмуро сказал Артем. – Посмотреть – посмотрю. Пойму что-то – подскажу. Не пойму – увольте. Но это тоже не бесплатно, вы знаете, что все имеет свою цену.

– Какова она?

Молодой Странник задумался, кажется, о бесплатности услуг взрослых коллег, если это не касалось помощи гибнущим мирам, он слышал от Дархона. Или не слышал, и это знание снова пришло ниоткуда? Все возможно. Что же запросить, чтобы не показаться идиотом? Ведь возможности взрослого Авари попросту огромны. Но ведь может быть что-то такое, что ему в общем-то нужно, но просто лень этим заниматься? Может. Но тогда стоит запросить модификацию «Петрограда» для свободного перемещения между вселенными и слоями реальности, чтобы не приходилось таскать супердредноут на себе. А то ведь после каждого такого перехода отлеживаться приходится, сил он выпивает, как ничто другое. Но запросить нужно лениво, словно это не особо и нужно.

– Мне, в общем-то ничего не требуется, – небрежно бросил Артем. – Ну разве что... модифицируйте этот корабль для перемещения между вселенными, слоями и уровнями реальности. Я и сам могу переносить его, вам это известно, но это лишняя возня.

– Это нетрудно, сделаем в течение стандартного часа, – без промедления отозвался Эрх-Ар. – Но тогда нам придется заменить вашим пилотам импланты и добавить особые пакеты данных, чтобы управлять кораблем во время сложных

переходов. Точнее, это будут энергетические симбионты, дополняющие возможности имплантов.

- Леонид Петрович? – повернулся к первому пилоту юноша. – Вы согласны?

- На дополнительный симбионт, позволяющий летать между реальностями?! – оживился тот. – Да кто от такого откажется?! По крайней мере, не я! Согласен!

- Вот же старый авантюрист... – неодобрительно покачал головой инженер. – Хотя... Я бы тоже не отказался.

- А зачем вы их спрашиваете?.. – в голосе Эрх-Ар явственно звучало удивление. – Это же ваш Клан. Вы можете просто приказать...

- Ах вот оно в чем дело! – укоризненно покачал головой Артем. – Знаете, я, похоже, только что нашел еще одну причину того, что вы до сих пор не перешли.

- Назовите ее!

- Все очень просто, – горько усмехнулся юноша. – Пренебрежительное отношение к другим разумным, пусть даже менее развитым, чем вы. Вам даже в голову не пришло, что о таких вещах, как вживление в тело импланта, разумного надо спрашивать. Никогда не задумывались об одной из основных истин мироздания – не делай другому того, чего не хочешь получить сам?

- Когда-то задумывались, но очень давно.

- Зря. Подумайте хорошенько. Это не просто истина, это основной закон, который большинство разумных почему-то не желает понимать и принимать, получая откат от действия закона Воздаяния. Вторая истина – другому тоже больно. Ее вы и многие другие напрочь забыли.

Снова через Артема говорило нечто огромное и непредставимое, он это четко осознавал, но не мог остановиться. Его голос грохотал и перекачивался, пронизывая все сущее, заставляя каждого слышащего его содрогаться в желании спрятаться от взора чего-то страшного и беспощадного, видящего тебя насквозь, все твои грехи и грешки от рождения и до смерти.

В иных пространствах вскинулся от невероятного изумления взрослый Странник. Происходило то, чего не должно было происходить никогда и ни при каких обстоятельствах! Через мальчишку в мир сейчас смотрел сам Судия! Тот самый страшный Судия, взора которого боялись все и всегда, в том числе и Странники, не говоря уже об остальных. Да как такое стало возможным?! Чем мог заинтересовать Судию неопытный юнец?! Чем-то все же заинтересовал, а значит учить мальчишку придется куда жестче и лучше, чем он предполагал.

Некоторое время царило потрясенное молчание, а затем Артем, уже от себя, добавил:

– Может у вас потому и не получается решить вашу проблему, что вы относитесь к другим так?

– Вполне возможно, – после долгой паузы ответил Эрх-Ар. – Благодарим вас за урок вас, Восьмой Авари, и, тем более, говорившего через вас великого Судию! Эта информация крайне ценна. Мы готовы внести указанную вами плату в течение указанного времени.

– Импланты дополнять только тем членам экипажа, кто даст на это свое согласие, и, надеюсь, эти дополнения будут без сюрпризов.

– Не беспокойтесь, никто и никогда, находясь в здравом уме, не рискнет нарушить соглашение со Странником, слишком страшны последствия такого нарушения.

Про себя Артем пребывал в очень странном состоянии, словно бы подвешенным в воздухе, и часть его самого ему не принадлежала – кто-то всемогущий и неизмеримо древний смотрел его глазами и слышал его ушами. Но это почему-то казалось правильным, да что там – единственно верным! Кто-то другой возмутился бы таким использованием своего тела, но не Артем – высшие силы он всегда уважал. А уж того, кого называли Судией, тем более. Он подозревал, кто это, и не имел ничего против того, чтобы разделить свое тело с Ним, раз Ему так нужно.

То, что Эрх-Ар восприняли сказанные через него слова, как исполнение контракта с его стороны, ничуть не удивляло – мало кому из тех Сфер дается прямой совет свыше, это невероятная редкость, а потому очень ценится. Скорее всего, они сочтут, что обязаны отдать еще что-то. Что бы такое попросить?

Как ни удивительно, никто из экипажа, включая новичков, не отказался получить имплант сверхцивилизации, причем энерго-полевой, размещающийся не в теле, а в душе разумного, и поэтому сохраняющий все его знания и память в последующих воплощениях. Даже доцент Карацупа вместе с женой и детьми согласились. Артем и сам бы от такого не отказался, но говорить, что эта штука нужна и ему, было бы глупо. Впрочем, в последнее время он заметил, что начал использовать вместо импланта для напряженной умственной работы что-то непонятное, находящееся одновременно где-то далеко и внутри него.

Преобразование корабля и установка энерго-имплантов с точки зрения людей и других разумных выглядели довольно скромно – все поверхности «Петрограда», включая внутренние переборки, засветились призрачным опаловым светом. Это продолжалось около часа, во время которого в корабле царил молчание – никому почему-то не хотелось говорить, особенно зная, что его услышит кто-то посторонний.

Внезапно свечение погасло. Поверхность переборок рубки приобрела слегка другой цвет, при виде которого Дархон зашелся чуть ли не истерике, слава Богу, по закрытому каналу, то и дело ошалело повторяя: «Адамантит... Не может быть! Это же невозможно! Адамантит...». Артем далеко не сразу добился от него, что все металлические детали дредноута теперь состоят из редчайшего и невероятно дорогого металла адамантита, возможности и крепость которого были мало представимы. Помимо того Эрх-Ар модифицировали самого искина, увеличив его возможности на шесть порядков, и понял он это только когда все закончилось. Помимо того добавилось множество неизвестных устройств, плюс информация по ним в памяти Дархона.

– Мы закончили, Восьмой Авари, – сообщили Эрх-Ар. – Мы можем еще чем-то отблагодарить вас?

– Да, – придумал, наконец, Артем. – Для многих устройств моего корабля постоянно требуются трансураниды. Мне просто лень то и дело искать их. Вы можете решить этот вопрос?

– Без проблем. Мы можем либо заменить источники питания на преобразователи вакуума, либо установить малые синтезаторы в каждом устройстве, благодаря чему нужные трансураниды будут появляться в них по мере надобности без ограничений.

– Кирилл Владимирович, что думаете? – юноша перевел взгляд на инженера.

– Мне неизвестно, что такое преобразователи вакуума, – признался тот, – так что пусть будут синтезаторы.

– Хорошо, – кивнул Артем. – Значит, синтезаторы.

– Это займет еще десять стандартных минут.

Когда все закончилось, молодой Странник спросил:

– Полученного вами совета достаточно, чтобы разобраться в причинах невозможности нового объединения, или нет?

– Мы были бы благодарны, если вы подумаете над этим вопросом и потом сообщите нам свои выводы. Как с нами связаться ваш искин знает. Если честно... мы удивлены, что Странник и бионик каким-то образом сработались, ведь вы, Авари, обычно уничтожаете биоников там, где встретите, но лучшего искина действительно не найти. Кроме разве что полевых компьютеров высших драконов и эрхе.

– Хорошо, я подумаю, но не могу сказать точно, когда последуют выводы, – кивнул Артем. – Перешлите основную информацию по разделению и попытках объединения эгрегора в память Дархона, установив для этого отдельный блок памяти, доступ к которому будем иметь только я и он.

– Через пять минут будет сделано.

По прошествии указанного времени Эрх-Ар распрощались, после чего Артем устало откинулся на спинку кресла и медленно выдохнул. Немного посидел молча и спросил:

- Дархон, они нас больше не слышат?

- Нет, - лаконично ответил тот.

И молодой капитан отвел душу десятиэтажным матом, поминая Эрх-Ар, Странников и вообще всех сущностей и сверхсущностей.

- Да как же вы мне все остоп...и! - закончил он свою тираду, - Да чтоб вам, сукам, всем сквозь землю провалиться!

Эксперты и другие члены экипажа, включая новичков, тихо хмыкали про себя, прекрасно понимая состояние своего капитана. Эти самые высшие силы действительно могут надоесть до онемения. Причем каждый чувствовал в себе изменения - энерго-имплант обустроивался в душе, перелопачивая память человека и систематизируя ее, чтобы сделать доступной в любой момент.

- Простите, - заговорил майор Ростовцев, - мы хотели предложить забрать добытые в системе трансураниды, но теперь это, наверное, уже не актуально?

- Ну почему же, - ответил вместо капитана Кирилл Владимирович. - Запас карман не тянет, мало ли что. Вдруг что-то случится с этими самыми синтезаторами? Так что говорите, где склады, я pošлю дроидов, пусть заберут, да положат в один из дальних трюмов, места у нас там хватает.

- Вот и хорошо, - кивнул Артем, затем повернулся к Ростовцеву. - Господин майор, раз вы согласились войти в наш экипаж, то попрошу вас возглавить авиакрыло, - затем он посмотрел на лонгарку, сидящую в дальнем конце рубки. - Ти-Лирха, прости, но твоего опыта недостаточно для командования.

- Я все понимаю, - слегка обнажила боковые зубы девушка. - И наоборот, буду рада поучиться у мастера, - она вежливо поклонилась Ростовцеву, которого явно удивила ее внешность.

- Вот и хорошо, - повторил юноша. - Вы согласны, Аристарх Олегович?

- Так точно, согласен! - встал тот. - И готов принимать машины.

– Погодите чуток, – вмешался Дархон. – Эрх-Ар даже истребители сделали адамантитовыми. Так что повредить им чем-либо будет очень проблематично. Вы учитывайте во время боя, что ваши истребители практически неуязвимы. Но динамический удар, если хорошо приложат, никуда не денется, самой-то машине ничего не будет, а вот от пилота внутри фарш останется. Это тоже помнить надо.

– Запомним, – кивнул Ростовцев.

Артем не сразу заметил, что в рубке собрался весь экипаж, включая новичков и стажеров. Он некоторое время молчал, а потом заговорил:

– Насколько я понимаю, каждый Странник со временем собирает Клан своих людей. Не знаю почему, но обычно, как и у нас с вами, это происходит само собой, естественно. К сожалению, Странник я пока неопытный, знаю и умею очень мало, учиться предстоит долго. Найти бы только у кого. А вот в последнем проблема. Вы были свидетелями, что через меня иногда действуют некие высшие силы, как сейчас сказали – Судия. Возможно, это одна из ипостасей того, кого мы воспринимаем, как Христа. Не знаю. Или это Ангел Воздаяния. Трудно сказать. Не берусь судить о том, чего не знаю.

– Не дрейфь, парень, – ступил на шаг вперед Карл Генрихович. – Мы с тобой, поддержим в любой ситуации.

– Спасибо, – улыбнулся ему юноша. – А сейчас простите, пойду отдохну. Мне все это очень нелегко далось.

Он быстро вышел из рубки, оставляя экипаж спокойно обсудить случившееся.

Минут пять царило молчание, все размышляли над увиденным, тихо обалдевая про себя. Особенно все случившееся поразило новичков-пилотов, да и бывшего доцента с семьей. Это к кому же они на службу-то пошли, что его устами говорит сам Судия?..

– А мальчик-то наш совсем непрост... – задумчиво произнес Леонид Петрович. – Впрочем, такое уже было, помните, что он Ольге Петровне сказал? Точнее, не он, а кто-то через него.

– Помним, – коротко ответил Карл Генрихович, а сама Домогацкая только кивнула. – Но сейчас это было на порядок сильнее.

– Так и разница между одним человеком и могучей сверхцивилизацией огромная, – хмыкнул Инголин. – Но это все лирика, господа и товарищи. Давайте познакомимся с нашими новыми сослуживцами и... не только. Предлагаю как следует выпить, а то слишком все это для меня. Надо расслабиться.

– А если кто-то нападет? – поинтересовался погонщик, Мустафа Амирович.

– Успеем протрезветь, медкапсул хватает, да и Дархон настороже, – ответил инженер. – Так ведь? Повредить нашему кораблю после пройденного преобразования теперь очень мало что может. Мой имплант понемногу разворачивается, я уже немного изучил новые возможности «Петрограда», и, честно скажу, ошарашен. Если раньше у нас был сверхкорабль по таорским меркам, то сейчас вообще нечто невозможное в принципе.

– Ну раз так, то можно и выпить, – констатировал фон Бревен, после чего повернулся к Ростовцеву. – Вы как к этого относитесь, майор?

– Сугубо положительно, полковник, – отозвался тот. – Особенно после двух лет воздержания. На каторге-с не угощают.

– Ну и отлично! Идемте.

И экипаж дружно отправился в большую столовую, где поднятые Дархоном дроиды уже начали накрывать роскошный стол.

В иных пространствах Шестой Авари впервые заинтересовался членами Клана мальчишки, до того они были ему интересны не более, чем лай подзаборной собачонки. Точнее, его заинтересовали слова Эрх-Ар о биониках. Странник просканировал корабль и от изумления зашипел, как змея, такого он не ждал и ждать не мог. Искин супердредноута действительно оказался из биоников, причем не простых, а их той самой, давно загнанной в пределы минивселенной и прочно забытой ветви. Их полагали перешедшими еще миллионы лет назад, но вот поди ж ты – один из них в наличии, и мало того, сумел найти общий язык с

мальчишкой. Как?! Это же невозможно!

Но как будто мало бионика, одним из клановых оказалась перевертыш. Да что ж это такое? Мальчишка совсем с ума сошел?! Да этих тварей давить надо, где только заметишь! Только гадить и способны! Хотя стоп, а не поддался ли он сам стереотипам? Очень может быть. Надо для начала поглядеть, что из всего этого выйдет, а потом только судить.

Да, наблюдение за сопляком, похоже, будет значительно интереснее, чем он предполагал. И это хорошо. Пусть побыстрее вырастает. Восьмому Авари дел в мироздании хватит, они всемером давно уже зашиваются. Тем более Авари, на которого обратил внимание сам Судия.

Глава V

Ниэрла задумчиво смотрела на закрытую дверь каюты Артема, не зная, стоит ли сообщать о своем приходе или тихо развернуться и уйти. Она снова приняла облик черноволосой девушки, так понравившейся молодому Страннику. Ему явно нужна поддержка, да она и сама не отказалась бы от секса. Перевертыш вслушалась в ментал и поняла, что Артем спит. Будить смертельно уставшего капитана не стоило. Поэтому, похоже, в другой раз. Ниэрла тихо вздохнула и повернулась, запнувшись от неожиданности – перед ней стояла Ти-Лирха, с хмурым выражением лица глядящая на соперницу.

– Ну и чего ты тут делаешь?.. – чуть ли не прошипела она.

– А то ты не понимаешь! – хихикнула Ниэрла. – Но он спит, нельзя тревожить. Пусть отдохнет.

– У него есть я! – агрессивно выдохнула лонгарка, обнажив боковые зубы в агрессивной гримаске. – Ты не нужна!

– Мда... – растерянно посмотрела на нее перевертыш. – Знаешь, ты, похоже, многих вещей просто не понимаешь. Давай поговорим, я немного больше тебя знаю о Странниках.

– Ну давай... – несколько сбавила тон Ти-Лирха.

Ее страшно раздражало, что все усилия оказаться в постели сюзерена оказались тщетными, он ускользал от девушки, словно намазанный жиром. А ей срочно нужно забеременеть от него! Она обязана выполнить свой долг перед кланом! Но как это сделать лонгарка понятия не имела. А тут еще эта дрянь под ногами мешается.

Найдя небольшую свободную каюту, девушки через импланты заказали напитки, которые буквально через минуту принес небольшой юркий дроид. Некоторое время они молча смотрели друг на друга, потом Ниэрла негромко сказала:

– Зачем тебе это? Вы же с ним физически не совместимы, ни ты, ни он удовольствия от секса не получите. Если классическим займетесь. Выход, конечно, найти можно, если фантазию применить, но ты же слишком правильная, насколько я знаю. У вас же даже оральный секс унижением считается...

Вздыхнув, Ти-Лирха поведала зачем ей обязательно нужно переспать с Артемом. И что такое принесенный ею тор-ор-нахт.

– Да уж... – поежилась перевертыш. – Не хотела бы я оказаться на твоём месте. Но тут есть парочка проблем. Если бы мы были дома, в вашей вселенной, то и беременей себе на здоровье. Но сейчас? Тебе не кажется глупостью становиться вместо помощницы обузой, когда мы все в беде? Ты знаешь как и когда нам удастся добраться до империи? Ты уверена, что кораблю не будет вскоре угрожать какая-нибудь опасность? По-моему, маленьким детям на нем совсем не место. Сама подумай.

– Черный отщепенец мне на голову! – спала с лица Ти-Лирха. – А ведь точно, я заиклилась на одной мысли и не подумала, что сейчас не время...

– Плюс, ты совершенно неправильно себя с ним вела, – хихикнула Ниэрла. – Понимаешь, Артем из тех мужчин, которые никогда не будут добиваться женщины, да и малоинтересная им одна женщина. Им нужно много разных, причем таких, которые придут сами и возьмут инициативу в свои руки. Выяснят его предпочтения, даже самые необычные, и, если они им подходят, опять же сами проделают с парнем все то, что он хочет, насколько бы дикими эти вещи ни

были. А он с радостью включится и будет невероятно благодарен. Но сразу пойми и прими – он никогда не будет принадлежать только тебе! Это невозможно по определению. Любая, кто попробует подгрести Артема под себя, тут же получит отставку. Ты, как вассал, останешься рядом, но надежду на какие-либо близкие отношения потеряешь навсегда.

– А любовь?.. – растерянно спросила лонгарка.

– А кто тебе сказал, что секс и любовь – это одно и то же? – устало посмотрела на нее Ниэрла. – Наоборот, если любишь, то сама притащишь в его постель тех женщин, которые ему понравятся, хоть за шкурку. Меня поражает, что очень многие люди эти два понятия путают.

– Я не человек!

– Ой, оставь! Общих детей с людьми иметь можешь? Можешь. Значит, человек, только немного отличающийся от других. Судя по всему, лонгары и торны – это подвиды человеческой расы, кем-то и когда-то генетически измененные, но оставшиеся совместимыми с основной ветвью.

– Ну, наверное... – неуверенно протянула Ти-Лирха.

– Это, в конце концов, неважно, – отмахнулась Ниэрла. – Другое имеет значение. Пока на борту две женщины, которые ему интересны. Я, когда в этом теле, и ты. Не раз ловила на себе его заинтересованные взгляды. Ему нужно – молодой мужчина в расцвете сил, желание порой нестерпимое. Но пойми, сам он первого шага навстречу никогда не сделает! Тебе придется. Я вообще не уверена, что он захочет быть со мной, поскольку я уж точно не человек, хоть и могу выглядеть, как угодно.

– Заметила я его взгляды, – проворчала лонгарка. – Потому и не понимала, что происходит, почему он только смотрит. Кстати, он не только на нас с тобой поглядывает, даже на Марфу иногда, но тут же отводит взгляд и краснеет, словно стыдится своих мыслей. И вот этого я тоже не понимаю.

– А не надо понимать! – хихикнула перевертыш. – Просто прими и осознай – он такой, какой есть, и другим не станет. Марфа, говорить? Это проблема, она же дите совсем, наивное и глупое, с мозгами забитыми предрассудками наподобие,

что, мол, только с мужем, единственным и неповторимым, можно. Так что ее побоку, я перевоспитывать дурочку не возьмусь, неинтересно мне это.

– А я – тем более! Хотя понять ее могу. У нас тоже считается, что только с мужем...

– Это ваше дело. Я тебе сказала все, что хотела. Одно только еще. Могу предложить залезть к нему в постель вдвоем, ему в прошлый раз сразу с тремя девчонками очень понравилось. Да что там, Артем просто в восторге был. Да и я не прочь повторить этот приятный опыт...

Весело захихикав, Ниэрла полюбовалась ошарашенной физиономией Ти-Лирхи, залпом допила свой напиток и упорхнула, оставил лонгарку размышлять над странным и совершенно неприемлемым для нее предложением. Или приемлемым? Девушка не знала, она то краснела, то бледнела и никак не могла решить, что же ей делать.

* * *

Молодой капитан, судя всему, вымотался конкретно. Остальной экипаж успел и напиться, и протрезветь, а Артем все еще спал. Впервые с момента провала неизвестно куда выдалось свободное время, и его следовало употребить с толком. Вот и собрались офицеры «Петрограда» в каюте Инголина, пригласив также новичка, майора Ростовцева. Следовало обсудить, как и что делать дальше.

Налив всем легкого вина, на сей раз решили обойтись им, Карл фон Бревен отпил глоток и задумчиво произнес:

– А ведь слова Артема о Клане – это не просто слова, это декларация намерений, господа и товарищи.

– Простите, пожалуйста, – вмешался Ростовцев, – вопрос немного не в тему, но что у вас за странное выражение – господа и товарищи? Что оно означает? Вы что-то говорили по этому поводу, но я, простите уж, не запомнил, слишком удивлен был всем случившимся.

– Понимаете, – ответил полковник, – во многих вариантах истории России в начале двадцатого столетия произошла революция, власть после которой взяли марксисты.

– Эти маргиналы?! – изумился майор. – Удивительно... У нас никаких революций не было. Только несколько войн. К счастью, Николай II, правивший тогда, выбрал правильную сторону и стал союзником кайзера Вильгельма. Войну с величайшим трудом, но выиграли.

– Вот основная разница, похоже! – с горящими глазами подхватился на ноги Инголин. – В истории почти всех известных нам вариантов было наоборот – Николай стал союзником Антанты и воевал с Вильгельмом. В результате чего и Российская, и Германская империи оказались разрушены и унижены. В Антанте, кстати, а конкретно в Великобритании, после этого заявили, что основная цель войны достигнута... Но не учли, что уже через двадцать лет на месте слабой империи Романовых встанет могучая Красная империя, первой вышедшая в космос, победившая во второй Отечественной войне, когда погибло больше двадцати миллионов человек, и достигнувшая многого другого. Но англосаксы принялись разлагать новую империю изнутри. И преуспели, к сожалению. В начале девяностых годов Красная империя распалась на пятнадцать частей. Так вот, возвращаясь к вашему вопросу, майор, в ней как раз и было принято обращение «товарищи», а не «дамы и господа». А поскольку в Таору попали люди из разных времен и вселенных, то, чтобы никого не обижать, и было принято упомянутое вами обращение.

– Благодарю вас, я понял, – наклонил голову Ростовцев. – Еще раз простите, полковник, что вы говорили о Клане?

– Думаю, все уже поняли, что наш капитан – это не человек, а нечто значительно большее, – продолжил тот. – И так уж вышло, что мы все оказались намертво связаны с ним. Думаю, Артем найдет дорогу домой, в Таору, может, нескоро, но найдет. Вот только сам он вряд ли успокоится и оседет на одном месте. Он как-то озвучивал свою мечту – заниматься исследованиями новых уголков неизведанного космоса. Этим мы сейчас, в общем-то, и заняты, если разобраться. Да, в поисках дороги в Таорскую империю. Но... – полковник усмехнулся. – Но даже если вскоре вернемся, я предпочту остаться на «Петрограде» – никогда еще я не жил такой интересной жизнью, как рядом с этим мальчишкой.

– Не ты один! – хохотнул Леонид Петрович. – Мне больше твоего повидать довелось, да и в том знаменитом бою поучаствовать. И это когда «Петроград» еще не стал таким монстром, как сейчас. Потому сразу говорю, что я остаюсь здесь. Надо вступить в Клан? Без проблем, вступлю.

– Как и я, – согласился с ним Кирилл Владимирович.

– Обо мне и говорить нечего, – усмехнулся Михаил Иванович, прищурив свои и без того узкие глаза совсем уж до щелочек.

– Думаю, все на нашем корабле не откажутся от этого, – хмыкнул Моисей Соломонович. – Даже я, если меня, конечно, возьмут, учитывая службу, к которой я принадлежу. Дома меня ничего не держит, если честно, жена умерла, дети, внуки и даже правнуки давно выросли и разлетелись из гнезда кто куда. А что твои десантники?

– Им тоже интересно, что будет дальше, – заверил фон Бревен. – Я спрашивал у ребят, готовы служить на «Петрограде» сколько понадобится. Думаю, ты прав, старый наглец, никто из экипажа не откажется. Кроме, разве что, новичков. Мы с ними пока еще пуда соли вместе не съели.

Он покосился на Ростовцева, который кивнул, молчаливо подтверждая, что сначала надо послужить вместе, а потом уже решать, что и как.

– Господа и товарищи, – вопрос вы, конечно, обсуждаете интересный, – раздался непонятно откуда голос Дархона, – но у нас незваные гости. В систему прибыл чей-то флот и принялся настойчиво нас вызывать. Судя по всему, он принадлежит местным демократам, но их сопровождают корабли США и ОЕ.

– ОЕ? – не понял полковник.

– Объединенной Европы.

– Ясно. Так что там?

– Ничего пока, вызывают. Артем спит и будить его я не хочу, вымотался бедный парень, – уведомил искин. – Так что решать, что делать с этим флотом, вам. Я бы

просто прыгнул в соседнюю систему, с этими идиотами не о чем говорить, но, повторяю, решать вам.

– А почему бы не развлечься? – широко улыбнулся фон Бревен, посмотрев на Ростовцева, которому явно очень хотелось посмотреть, кто это прилетел. – Сейчас антураж подготовим, и связывай с ними, я через имплант дам знать, когда пора.

– Без проблем, – захихикал искин. – Развлечься действительно можно.

– Идемте в рубку, господа и товарищи, – встал полковник.

Оказавшись там, все расселись по своим местам. Остальных тоже вызвали, сообщив им о происходящем. Фон Бревен занял капитанское кресло – не так давно Артем предложил ему стать своим заместителем в ситуации, когда сам Странник отсутствует. Гигант привольно развалился в кресле и дал искину сигнал включить связь.

На голоэкрane напротив медленно проявилось изображение толстого военного с надменной рожей в мундире с кучей золотого шитья. Окинув взглядом маленьких, свиных глазок рубку «Петрограда», он хрипло прокаркал:

– Кто вы такие и что здесь делаете? Отвечайте! Перед вами адмирал Русской Республики!

– Это что за птица, майор? – лениво поинтересовался полковник у Ростовцева, сидевшего неподалеку.

– Это? – присмотрелся тот. – А-а-а... Один из самых гнусных предателей. Контр-адмирал Константин Наливаев. Штабная крыса. Никогда не участвовал ни в одном бою, вон какой жирный. Сдал диспозицию нашего флота демократам. Свои тридцать серебряников он, вижу, получил, полного адмирала присвоили. Гнилой человечешко. Насквозь гнилой.

– Да как вы смеее?! – побагровев, завизжал адмирал, заколотив пухлыми кулачишками по подлокотникам кресла, брызги слюны полетели от него во все стороны. – Что у вас на борту делает этот каторжник?! Немедленно

расстреляйте его, это приказ! Слышите?! Это прика-а-аз!!!

– Пошел на х...р, гнида! – оскалился полковник, слегка наклонившись вперед. – Ты мне никто и звать никак. Понял? Лети отсюда, пока цел.

В это мгновение изображение адмирала сдвинулось в сторону, рядом с ним появилось второе, показывающего худого, длинного джентльмена в незнакомой форме.

– Ви не имель прав нападать на корабль наш корпораций! – на ломаном русском языке заявил он. – Ви обязан немедленно сдаться и возместить затрат! Это требоват великая Америка!

– Требовать? – в глазах фон Бревена загорелся гнев. – Америка? От русского имперского офицера?! Ах ты, мерзота англосаксонская! А х...р во рту тебе не мясо, паскуда?!

– Мясо не надо, – столь же надменно произнес американец. – Ви сдать свой корабль великая Америка.

– Да ты совсем ухи объелся, придурок! – рассмеялся полковник. – Дархон, эта тварь с какого корабля вещает?

– Вот с этого, – загорелась в воздухе тактическая сфера, показавшая диспозицию в системе, один огонек на ней зажегся синим светом.

Вражеский флот окружил «Петроград» с трех сторон, с четвертой была планета. Вот только эволюции демократов были какие-то странные, неуверенные, словно за пультами сидели неопытные новички. Фон Бревен с недоумением посмотрел на Ростоцева, тот понял его немой вопрос.

– Ни один из толковых русских офицеров не пошел служить демократической нелюди, – пояснил он. – Мы предпочитали расстрел, каторгу, да что угодно, но только не предательство. К сожалению, предали там, наверху...

– Ясно... – покивал полковник.

– Ви немедленно сдаваться! – взвизгнул американец, напомнив о себе.

– Ты не унялся, англосаксонская гнида? – резко развернулся к экрану фон Бревен. – Михаил Иванович, позаботьтесь, чтобы эта тварь больше никого не беспокоила.

– Будет сделано, Карл Генрихович! – радостно осклабился канонир, с ранней юности ненавидевший англосаксов, а особенно американцев, до трясущихся рук и зубовного скрежета.

Одна из прицельных антенн «Петрограда» налилась пульсирующим синим светом и мигнула. Американский корабль тут же превратился в перекрученную абстрактную конструкцию. Изображение длинного американца исчезло с голоэкрана, оставив адмирала в одиночестве. Когда ему доложили о случившемся, толстяк побелел, затем покраснел, покрылся от ужаса потом и приказал тут же отступить – ведь этот огромный корабль оказался опасен и угрожал его драгоценной персоне!

– Одну минуту, – заговорил Дархон. – Карл Генрихович, при сканировании флота на трех кораблях обнаружены техники-каторжники, демократы заставляют их работать пытками и избиениями, поскольку своих специалистов такого класса просто не имеют. На самом деле все трое квалифицированные корабельные инженеры!

– Имена! – потребовал полковник.

– Самуил Никонович Тимошин, находится на крейсере первого ранга «Неясыть»; Геннадий Илларионович Москитин, находится на линкоре «Республика»; и Константин Михайлович Добрынин, находится на авианосце «Президент Молчанов».

– Ты слышал, толстая сволочь? – снова посмотрел на покрытое потом, белое лицо адмирала фон Бревен. – Я даю тебе полчаса на то, чтобы пленные имперские офицеры оказались на челноке, идущем к нашему кораблю. Если этого не произойдет в указанное время, то я начну уничтожать твой флот. Сбежать ты не сможешь, глушилка гипера включена. Первым будет флагман. И ты, болезный.

Полковник настолько «по-доброму» улыбнулся, что господин адмирал тут же обделался – это стало понятно по скривившимся и зажавшим носы офицерам на заднем плане, стоящим за спиной недоделанного «флотоводца». Немного придя в себя, тот тоненьким, дрожащим голосом распорядился выполнить ультиматум, вызвав тем самым брезгливые гримасы у экспертов в рубке «Петрограда».

* * *

Когда Константина Михайловича, третий день безвылазно сидевшего в двигательном отсеке, где инженер понемногу калибровал генератор гиперполя, барахливший, наверное, с момента постройки этого крайне неудачного корабля, который грех было называть авианосцем, скорее просто неуклюжим корытом, оторвали от работы и вежливо попросили срочно проследовать к челноку в третий ангар, он прежде всего удивился именно непривычной вежливости охранников, смотрящих на него с откровенным страхом. Еще вчера прежде всего по шее бы дали – чего церемониться с каторжником? Значит, что-то случилось. Но что могло случиться? Имперский флот давно разгромлен. Точнее, захвачен посредством предательства адмиралитета. Бояться демократам нечего, они хозяева положения. Некому вступить за имперского инженера. Но кто-то явно вступился, иначе не было бы такого ужаса в глазах охранников, которые явно боялись, что Константин Михайлович им все припомнит. Что же происходит?

Когда они, наконец, добрались до ангара, там ожидал челнок, причем приписанный к линкору «Республика», ранее называвшемуся «Александр V». Один из немногих линкоров, доставшихся демократам неповрежденными, на остальных экипажи, когда до них дошел масштаб предательства, взорвали двигатели и гипергенераторы. Восстановить их до сих пор не сумели – почти все имперские корабельные инженеры напрочь отказались сотрудничать с новой властью, а западные, готовые за деньги на любую мерзость, с русским секретным оборудованием никогда не работали, кто бы их к нему допустил, а там имелось множество незадокументированных хитростей, которые мастера передавали только из рук в руки, от учителя к ученику. В числе прочих отказался и Константин Михайлович, предпочтя пойти на каторгу, лишь бы не служить подонкам, рвущим на куски родную страну – Российская империя за несчастных два года правления демократов успела развалиться на сорок два государства, мало того, отделились все колонии. Причем несколько взяли под контроль бывшие имперские военные, они все это время лихорадочно готовились к обороне – западные «друзья» не собирались оставлять их в покое,

им требовалась полная и окончательная гибель России, превращение ее в свою марионетку, нищую и слабую, уже никогда не способную снова подняться. Может, эти колонии каким-то образом надавили на бывшую метрополию, чтобы вытащить талантливого инженера? Нет, так думать было бы слишком самонадеянно.

- Тебе туда, - показал на челнок один из охранников.

Константин Михайлович пожал плечами и двинулся к опущенной аппарели. Оказавшись внутри, он осмотрелся и очень удивился. В челноке, кроме него, было только два человека, и обоим он прекрасно знал. Да что там, они его и учили когда-то! Самуил Никонович Тимошин и Геннадий Илларионович Москитин, лучшие корабельные инженеры империи в прошлом, давно ушедшие на преподавательскую работу в Академию Военного Флота, которую он в свое время заканчивал. Уже тогда бодрым старикам было за семьдесят, а сейчас ближе к ста. Что они делают здесь, да еще и в робах каторжников? Их тоже, невзирая на почтенный возраст, на каторгу сослали?! Впрочем, а чего еще ожидать от демократов? Мразь - она и есть мразь.

Поздоровавшись, Константин Михайлович напомнил, в какие годы учился в Академии, и его вспомнили, а затем принялся расспрашивать, что вообще происходит. Однако старики только развели руками в ответ на вопрос, что происходит - их точно так же, как и его, усадили в челнок без всяких объяснений, велел следовать по указанным координатам, где их подберут.

- Ты, молодой человек, и поведешь, - проскрипел Самуил Никонович, поднимая дрожащие ладони, - у меня, как видишь, руки трясутся.

Ну да, в свои пятьдесят два он для этих зубров действительно молодой человек. Константин Михайлович прошел к пульту, сел в кресло пилота, закрыл аппарель и отправил в диспетчерскую авианосца запрос на старт. Силовое поле на выходе из ангара, не позволяющее воздуху покидать корабль, мигнуло желтым цветом три раза, сообщая, что его насыщенность понижена до уровня, позволяющего пропускать твердые предметы.

Покинув «Республику», Константин Михайлович повел челнок к указанным координатам, поглядывая на экран сканера пространства. А когда основные корабли флота остались позади, впереди появилось что-то очень массивное.

Только подлетев ближе, инженер понял, что перед ним огромное, как бы не в километр длиной толстое зубило, на борту которого было по-русски написано «Петроград».

– Это что за дура здоровенная такая?.. – растерянно спросил Геннадий Илларионович. – Корабль?! Это корабль?!

Строить корабли такого размера после нескольких попыток не решался никто. Затраты астрономические, а толку – ноль. Однако один из них перед глазами, причем очень странной, непривычной формы, такой не использовали ни в одной из известных стран, она резала инженерам глаза. Причем, судя по надписи, корабль русский. Как это возможно? Кто и когда его строил? На какой верфи? По чьим разработкам?

Три инженера растерянно переглядывались, ничего не понимая. А затем увидели, как в борту «Петрограда» открывается аппарель, она словно протаяла, так протаивает льдина, если бросить на нее раскаленный камень. Константин Михайлович поежился, было во всем этом что-то потустороннее, и двинулся к шестигранному отверстию, окруженному светящейся рамкой. Оказавшись внутри, он пролетел через довольно длинный коридор, оценив толщину бортов гиганта – не менее сорока метров – и оказался в ангаре, где посадил челнок во вспыхивающий синим светом круг.

Инженеры двинулись к выходу из челнока, Константин Михайлович поддерживал под руку еле идущего, хромящего на обе ноги Самуила Никоновича, а Геннадий Илларионович довольно бодро шел сам. Оказавшись снаружи, они принялись осматриваться, и первые же увиденные устройства заставили всех троих сильно изумиться. Почти ничего знакомого! А остальное только выглядело знакомым, но таковым не являлось.

– А кораблик-то чужой... – уронил Самуил Никонович.

– Но надпись на борту – русская! – возразил Константин Михайлович.

– Надпись – русская, а корабль – чужой! – старик повел рукой вокруг. – Не наша цивилизация это создавала, совсем не наша, инженерные решения другие, да о чем речь – вообще другая инженерная школа, созданная на неизвестных нам принципах.

– Вы совершенно правы, уважаемый! – заставил их вздрогнуть чей-то гулкий бас. – Мы не отсюда. Даже не из вашей вселенной. Но, тем не менее, большинство из нас русские.

Инженеры резко обернулись и во все глаза уставились на двухметрового гиганта в незнакомом типа десантном скафандре, его сопровождали два пожилых человека, один из которых тоже однозначно был инженером, об этом говорили неуловимые глазу мелочи, понятные профессионалам. А вот второй, похоже, являлся то ли пилотом, то ли кем-то еще.

– Добрый день! – поздоровались недавние каторжники, после чего представились. – А зачем мы вам?

– Да просто вытащили с каторги хороших людей, верных присяге, – улыбнулся гигант. – Захотите, останетесь с нами, но мы вскоре вашу вселенную покинем. Не захотите – доставим, куда скажете. И да, позвольте тоже представиться. Полковник спецназа космодесанта Карл Генрихович фон Бревен, Таорская империя. Слева – наш корабельный инженер Кирилл Владимирович Инголин, а справа – щитовик Моисей Соломонович Шапиро. Он же безопасник. По вашей терминологии – жандарм.

– Другая вселенная... – зачарованно повторил Геннадий Илларионович, глаза старого, почти столетнего человека горели живым интересом. – Вы расскажете нам свою историю?

– Конечно, – подтвердил полковник. – Позвольте пригласить вас в столовую, поедите, а заодно и поговорим.

Глава VI

Артем с трудом открыл слипающиеся глаза и потянулся. Справившись у импланта о времени, он чуть не свалился со спальной платформы. Как выяснилось, спал молодой Странник почти двое суток. Ничего себе вымотался! Впрочем, чему удивляться – напряжение копилось с момента провала в миры Хаоса. Когда-нибудь должен был свалиться. Еще хорошо, что дело обошлось

только долгим сном, а не чем похуже. Юноша снова сладко, с хрустом потянулся, затем слитным, единым движением словно стек на пол. А поймав себя на этом, ошарашенно замер. Это еще что?! Он же никогда не умел так двигаться! Да так только мастера боя двигаются, видел он, как лениво спарринговали десантники, словно валяжные, ленивые коты перемещались по залу. Тогда еще думал, что никогда такому не научится, а тут на тебе.

Артем задумался и сел прямо на пол, причем в позу лотоса, она показалась самой удобной, уже не удивившись своей гибкости – растяжки, позволявшей так выкрутить ноги, он никогда раньше не имел. Надо прислушаться к себе и понять, что в нем изменилось. А вот паниковать не стоит, пора привыкать, что дар Странника может преподнести немало сюрпризов. И преподносит.

«Итак, что мы имеем в наличии?» – мелькнула на краю сознания ленивая мысль, словно ему все было безразлично.

Первое – кристальная ясность сознания, такой Артем никогда раньше не знал, словно появился еще один имплант, причем куда более совершенный, чем прежний. Любая проблема мгновенно рассматривалась со всех сторон, причем с учетом множества новых знаний. Хотя нет, не такого уж и множества – он всего лишь узнал о нескольких законах мироздания, опираться на которые необходимо каждому желающему достичь требуемого результата. Зато мыслительные способности повысились весьма сильно. Переданные Эрх-Ар данные о новых возможностях «Петрограда» усвоились словно сами собой. Артем попытался осмыслить их и тихо обалдел – корабль превратился в техномагический артефакт, каждый миллиметр поверхностей которого усеивали сложнейшие цепочки странных рун, наполненных разного рода энергией, запасы которой накопитель, расположенный в энергоцентре, получал из некоего пространства Бета, причем оттуда можно было черпать что угодно – от электричества до любых магических энергий, вплоть до силы самого Хаоса. Накопители древний народ преобразовал в нечто непредставимое, их емкость стала практически бесконечной, они хранили запасы энергии (опять же любого типа) где-то вне этой реальности, в так называемых пространственных карманах. Эх, хотелось бы и себе такие заиметь, читал Артем в фантастике о позволяющих хранить многое чудных приспособлениях, привязывающихся к душе, что опять же позволяло сохранить имущество из жизни в жизнь, в каком бы теле ты снова ни родился. Да и без привязки к душе было бы крайне полезно заиметь такой карман – ходи себе, как будто ничего при себе не имея, а на самом деле в пространственном кармане хранится все, что нужно. Но таких

возможностей у молодого Странника не было, значит и думать о них пока не следует. Имеющееся бы освоить как следует.

Единственное, чего Эрх-Ар не дали, это оружия. Ну да, судя по полученной информации, они принципиальные противники конфликтов, всегда стараются их сгладить. Не страшно, своего хватает, Дархон хорошо об этом позаботился. Зато защитные поля у «Петрограда» теперь потрясающие, не говоря уже о том, что он большей частью состоит из адамантия и иных, не менее редких и ценных металлов, дающих кораблю почти полную неуязвимость. Но именно, что почти. На любую крепость всегда найдется способная пробить ее стены пушка. Кваркового взрыва дредноут точно не выдержит, как и многого другого. Что ж, ничего абсолютного в мироздании нет и быть не может, это аксиома.

Ладно, хватит сидеть тут, позже надо будет помедитировать более предметно, а сейчас надо узнать, что произошло за время его отдыха, и лететь дальше. Новички ведь, скорее всего, захотят забрать свои семьи, у кого они есть, а значит, придется выдвигаться к местной Земле. Или где там их жены и дети живут.

Артем запросил информацию у Дархона, который в ответ на вопрос почему-то гнусно захихикал и вместо рассказа передал юноше сложный ментальный образ, который он, на удивление, понял и очень быстро усвоил. А усвоив, тихо обалдел. Экипаж, оказывается, за эти два дня оттянулся по полной. Мало того, что нажрались, как свиньи с новичками вместе, это простительно, но зачем было с похмелья громить местные флоты? Правда, разобравшись в ситуации, юноша понял, что Карл Генрихович был непозволительно гуманен, он сам на месте полковника за такую наглость и подлость вообще бы всех этих говнократов на ноль умножил. Ну да ладно, сбежали и сбежали. Правильно их напугали, и хорошо, что стариков-инженеров вытащили с каторги, которой они, всю жизнь верно служившие своей стране, уж точно не заслужили.

Выяснив, что экипаж собрался в рубке, как в самом большом помещении корабля, и что-то обсуждает, Артем направился туда.

– Внимание, капитан на мостике! – первым заметил его Карл Генрихович.

Все встали. Юноша поздоровался и уселся в свое кресло, освобожденное полковником. Первым делом он окинул взглядом собравшихся, отметив про себя

удивление на лицах освобожденных инженеров, никем иным эти незнакомые старики быть не могли. Видимо их удивила молодость капитана.

– Господа и товарищи! – заговорил Артем. – Я рад вас приветствовать и полностью одобряю действия Карла Генриховича. Разве что я бы флот этих прощелыг не отпустил, ну да бог с ними. Первый вопрос к военврачу, – он повернулся к насторожившейся Домогацкой. – Почему пережившие каторгу люди все еще не в медкапсулах?

– Этому две причины, – вздохнула Ольга Петровна. – Первая в том, что они сами пока отказались, у них есть важные вопросы, ответить на которые можете только вы. А вторая... Я не особо понимаю, во что превратили наши медкапсулы эти ваши Эрх-Ар. Боюсь, что они очень сильно изменят любого положенного в них.

– Но вреда не причинят?

– Наоборот! Они усовершенствуют организм настолько, что жить человек станет до шестисот-восьмисот, а то и до тысячи лет. Армируют мышцы и кости непонятно чем, укрепив их на порядок, если не больше. В крови появятся биофаги и энергонаниты, очищающие ее – отравить или заразить их носителя чем-либо станет почти невозможно. Я еще не все выяснила, но уже сейчас в полном восторге. О чем речь, даже если в капсулу положить оставшиеся от кого-либо ошметки, тело полностью восстановится менее, чем за сутки!

– Так это же хорошо! – удивился Артем. – Не понимаю, в чем проблема.

– В том, что врач должен знать и четко понимать, что происходит внутри медкапсулы, а я пока и не знаю, и, тем более, не понимаю, – устало пояснила Ольга Петровна. – Изучать самый минимум мне еще несколько суток.

– Ясно, – кивнул капитан. – Но я опасаюсь за ваше здоровье, уважаемые, – он слегка поклонился старым инженерам, те наклонили головы в ответ, – так что, Ольга Петровна, прошу следить за состоянием наших гостей и, в случае любых проблем, действовать максимально быстро.

Некоторое время помолчав, Артем перевел взгляд на майора Ростовцева и спросил:

– Вашим людям есть кого забирать? Я имею в виду семьи. Поскольку мы в эту вселенную вряд когда-нибудь вернемся.

– Кому есть, а кому и нет, – хмуро отозвался тот. – А кое-кого и брать не стоит.

– В смысле? – не понял капитан.

– В прямом, – ответил майор. – Все мои пилоты не женаты, не успели просто жениться, сразу после окончания ими училища началась эта проклятая Гражданская война. Не до женщин ребятам стало. Родители? Братья и сестры? Тут уж пусть каждый решает сам, мои были убиты три года назад, когда в столице уличные бои шли. Жена как будто имеется, но я эту стерву сюда брать не хочу, все равно собирался разводиться с ней при первой же возможности, уж кто-кто, а она нам на корабле точно не нужна, пойдут сплошные скандалы и наглые требования. Детей, к счастью, у нас не было. Она, понимаете ли, фигуру берегла.

– Так, а у остальных? – обвел пилотов взглядом Артем.

– Понимаете, господин капитан, надо сначала посмотреть, что и как на Земле, – негромко сказал Петр Нилов, – мы даже не знаем, живы наши родственники или нет. Я в этом очень сомневаюсь, дворян вырезали безжалостно.

– Не только дворян, – сжал кулаки Иван Петров. – Мы из разночинцев, но это не помешало науськанной демократами толпе сжечь наш дом и забить насмерть отца с матерью и старого деда...

По виду этого лысого, кряжистого здоровяка сразу становилось ясно – не простит, никогда не простит.

– Моя огромная семья и без меня прекрасно проживет, – отмахнулся Вахтанг Дадиани. – Когда я служить в истребители пошел, отец меня из наследников вычеркнул и наследства лишил. Так что я сам по себе.

Остальные попросили выяснить, что с их родителями. Значит придется лететь к Земле. Подумав, Артем приказал прокладывать курс к ней.

– Маскировку поднять? – поинтересовался Моисей Соломонович.

– Не стоит, – зло усмехнулся юноша. – Нашему кораблю, особенно теперь, местные ничего сделать не смогут, пусть знают, что есть сила, которой на их поганую дерьмократию плевать. И которая, в случае чего, способна за себя постоять, дав по морде так, что клочки по закоулочкам полетят.

Он встал, прошелся по рубке, а затем остановился возле стариков-инженеров. Некоторое время задумчиво смотрел на них, а затем спросил:

– А вы что скажете, господа? Вы остаетесь или вас куда-то доставить?

– Меня, если можно, в колонию Новый Мурманск, – попросил Константин Михайлович, – там остатки нашего флота осели, им хороший инженер очень пригодится. Мы не сдадимся, будем бороться против демократической сволочи до конца. Нам с ними в одной вселенной не жить.

– Меня туда же, – присоединился к нему Самуил Никонович. – Только прошу еще пролечить в этой вашей медкапсуле, если нетрудно. Здоровье в будущей войне пригодится.

– Не проблема, – заверил Артем.

– А я, хе-хе-хе, останусь, – потер сухие ладошки Геннадий Илларионович. – Империи я свой долг отдал полностью, семьдесят два года ей прослужил. А тут такие технологии... – он оглянулся, его глаза буквально горели от возбуждения. – Да если я с ними не ознакомлюсь, я ж от любопытства помру!

Два старика заговорщицки переглянулись, и сразу стало ясно, что они озвучили ранее принятое решение. Скорее всего, им пришлось немало поспорить, прежде чем решили, кто уйдет, а кто останется.

У Артема мелькнула мысль, что колонии, которую с невероятным трудом и потерями удержали имперские офицеры, можно будет помочь оружием. 3Д-принтер произведет вполне достаточно хотя бы тех же гипер-орудий, о которых в этой вселенной ничего не знают. Они здесь станут настоящим роялем в кустах. Ни американцы, ни европейцы, ни, тем более, демократы не смогут ничего им

противопоставить, их флоты будут просто уничтожаться на дальних подступах. Да и бета-орудиями стоит поделиться, не жалко – сами местные даже понять на каких принципах эти орудия работают не смогут, так что запрет не будет нарушен.

Стоп, какой еще запрет?! Артем порылся в своей памяти и быстро обнаружил искомое. Оказывается нельзя передавать ни одной цивилизации, технологий, превышающих ее собственный уровень развития на порядок и выше. Работающее оборудование можно, но не объяснение физических принципов работы, а без таковых никто ничего понять не сможет. Не зря говорят, что для стороннего наблюдателя высшая технология ничем не отличается от изощренной магии. И запрет этот касается всех – Контроля любого уровня, Эрсай, Палачей, Странников и многих других. Реализован этот запрет на уровне физического закона, его просто невозможно нарушить. Попытка сделать это может привести к стиранию из реальности самого нарушителя. Вот так-так! Но обеспечить имперцев оружием запрет не помешает, тем более, что гипер-орудия под него не подпадают, в этой вселенной почему-то просто не додумались использовать гипергенераторы немного нестандартным образом, хотя изобрели их и всю используют. Да и до гипер-торпед не дошли, не имеют пока достаточно маленького и мощного двигателя для этого. Вот эти технологии и можно отдать в руки имперцев.

Артем озвучил свои предложения, все три местных инженера тут же оживились и принялись допрашивать сначала его, а потом Кирилла Владимировича о подробностях. Когда тот объяснил суть перенастройки, нужной для того, чтобы из обычного гипергенератора получилось гиперорудие, бьющее на несколько световых часов, старики на минуту задумались, а потом принялись страшно материться.

– Ну почему, почему ни одному идиоту это в голову не пришло?! – чуть ли не стонал Геннадий Илларионович. – Ну просто же, как дважды два!

– Еще проще! – вторил ему Самуил Никонович. – Чувствую себя старым дураком...

Константин Михайлович только вздохнул, он тоже чувствовал себя даже не дураком, а полным идиотом. Перенастройка гипергенератора возможна даже через простой инженерный планшет!

– Не спешите, – понимающе усмехнулся Инголин. – Здесь есть свои подводные камни. У нас, пока до всего додумались, немало кораблей потеряли. Для того, чтобы генератор стал орудием, нужно вывести от его выходных контуров особую шину на обшивку, к специальной прицельной антенне. Без этого попытка выстрела приводит к гибели корабля – гиперпространственная аномалия не та вещь, с которой стоит шутить. Спецификации шин и антенн мы вам передадим.

– Как и определенное количество самих орудий, – добавил Артем. – Но главное, чтобы эти знания не достались демократам и «свободному миру», будь он трижды неладен. Поэтому мы поставим колонии еще некоторое количество бета-орудий, производить которые вы сами не сможете еще лет пятьсот, если не всю тысячу.

И рассказал о запрете высших сил на передачу технологий.

– Но сами изделия передавать не запрещено, – закончил рассказ юноша. – И я не я буду, если не помогу имперцам всем, чем смогу! Ненавижу дерьмократию всей душой. Нет ничего подлее и омерзительнее!

– А почему ты так думаешь? – хитро прищурился Самуил Никонович. – Ведь как идея – она прекрасна. Избираемость власти, ее сменяемость, ответственность перед избирателями и так далее. Свобода, равенство, братство...

– Как идея, да, – вздохнул Артем. – Но и только. В реальности почему-то так выходит, что избирают исключительно худших, самых подлых и гнусных людишек, безответственных болтунов, подлецов и подонков. Среди демократических политиков нет ни одного хотя бы просто порядочного человека, а самое страшное, что и быть не может. При этом воспеваемая ими «свобода» обычно сводится к свободе половых извращений, насилия и прочей мерзости. А уж если еще и либерализм добавляется... – он брезгливо скривился. – Видел я либералов дома, это настолько бесчеловечная гнусь, что слов нет. Они защищают насильников, убийц, педофилов, а на права жертв им плевать. Поэтому демократия жизнеспособна только в небольших поселениях, где все друг друга знают. Да и то вряд ли. Или она возможна у народа, который близок к Переходу и весь поголовно обладает высочайшим морально-этическим уровнем, среди таких разумных просто не бывает подонков. Но на нашем уровне – нет, демократия, а особенно либерализм – худшее, что только может быть. Общество, пожившее при либеральной демократии хотя бы сто лет, окончательно разлагается и превращается в такую клоаку, что меня

передергивает от омерзения. Люди становятся абсолютными эгоистами, на пьедестал возводятся подлость, жадность, жестокость, душевное скотство, бесчеловечность и объявляются положительными качествами. При этом такие общества изо всех сил пытаются превратить те, где еще сохранились человеческие качества, в подобие себя. Объявляют так называемые «права человека» высшей ценностью, забывая о правах общества. Из детей намеренно растят эгоистов, не способных на какое-либо сотрудничество, на любовь, на дружбу. Такие общества всегда гибнут, тем или иным образом, но почти всегда утягивают за собой в могилу всех остальных. В общем, вот. Сумбурно, понимаю, но как сумел сформулировать.

– В общем, так оно и есть... – вздохнул старик. – Вот только почему вся эта пакость так притягательна для людей? Ведь в империи жили намного богаче и сытнее, чем в любой из демократических стран. А все равно нашлось множество идиотов, полезших на площади и, мало того, взявших в руки оружие, пошедших воевать ради того, чтобы наверх вылезли самые беспринципные и подлые скоты... Пусть даже нам удастся восстановить империю. Как потом бороться с этими идеями псевдосвободы и вседозволенности? Я, невзирая на весь свой опыт, не знаю.

– Это уже вам решать, – вздохнул Артем. – Мы поможем оружием, а больше, простите уж, ничем помочь не можем. Нам еще дом искать. А теперь вопрос. У кого где живут родители?

Почти все пилоты оказались землянами, только Ян Ковальский был уроженцем планеты Новый Смоленск, одной из самых дальних имперских колоний. Удивительно, что он смог поступить в столичное летное училище, а там талантливого пилота заметили и пригласили после выпуска на авианосец «Георгий II», где он и попал в Черную эскадрилью графа Ростовцева. У Яна на Новом Смоленске жили старая мама и младшая сестренка, отец погиб на службе империи, и семье по гибели кормильца платили вполне приличный пенсioen. Вот только живы ли родные поляк не знал. Война.

– Тогда выдвигаемся к Земле! – распорядился Артем. – Леонид Петрович, проложите наиболее краткий курс до ближайшей населенной колонии, оттуда пойдем на точечном двигателе.

– Есть! – кивнул первый пилот, подключаясь через имплант к внешним контурам Дархона. – Представляю, как они там, на Земле, «обрадуются» нашему

появлению...

Эксперты негромко рассмеялись этим словам. Щадить чувства демократов, которых все они искренне презирали, никто не собирался. Тварям следовало преподать жестокий урок.

* * *

На планете Земля, в высших сферах правительств всех стран с каждым часом все сильнее воцарялось беспокойство. Поначалу сообщению о происшедшем с эскадрой адмирала Наливаева просто не поверили. Но затем поступила видеозапись, и это заставило все заинтересованные стороны задуматься. Особенно свободный мир возмутило пренебрежительное отношение неизвестных чужаков, в ответ на справедливое требование о возмещении убытков ответивших огнем на поражение. Без переговоров и прочих принятых в цивилизованных государствах дипломатических маневров. Военных же насторожило совсем другое – уничтожение одним залпом крейсера первого ранга, на котором летел посланец американской корпорации. Небрежным залпом.

Аналитики по всему миру принялись ломать головы в попытках понять, кто это может быть. Имперский корабль? Вряд ли, если бы у Российской империи были такие корабли, то никто не рискнул бы на нее полезть – ведь в последние месяцы войны под видом демократического флота с имперцами на самом деле воевали флоты стран свободного мира. Тогда это чужаки. Но при этом, что страшнее всего, чужаки русские, да еще и с имперскими взглядами. Чтобы понять это достаточно было в очередной раз просмотреть запись. Брезгливость по отношению к демократическому флоту и, тем более, к Америке, самому сильному государству человечества, которое только планетарных колоний имело больше двух десятков, просто била в глаза.

Затем пришло сообщение с английской колонии Нью-Маунт. Неизвестный корабль объявился там, на границах системы, после чего не спеша двинулся к двум населенным планетам, вызвав тем самым панику. Однако он ни на кого не нападал, отвечая огнем только на попытки атаковать его. Затем подошел к одной из планет на расстояние пяти астрономических единиц и просто исчез, словно его в системе никогда и не было. Судя по всему, его двигатели были не обычными гиперпространственными, а чем-то совсем другим. Однако выводов из

нового появления чужака никто сделать не успел – воцарилась паника. По очень простой причине – «Петроград» объявился в Солнечной системе около орбиты Марса и уверенно двинулся к Земле, причем не вышел из гиперпространства, а именно появился из ниоткуда, словно материализовавшийся призрак.

В штабах государств Атлантического блока поднялась тревога, все боевые корабли свободного мира на форсаже ринулись к родной планете. Американский адмирал, клацая зубами от страха, все же решился вызвать чужака и потребовать его сдачи. Обычная американская наглость оказалась страшной ошибкой, ее не простили. В ответ какой-то молодой, очень молодой человек, а не давешний громила-полковник, весело заявил по-русски примерно то же самое, что американцы, мол, уху ели, но причем здесь уха не понял ни один из аналитиков. А потом сказал, что наглецов нужно наказывать и приказал кому-то умножить американские и европейские флоты на ноль. Что и было проделано. За каких-то десять минут все базирующиеся в родной системе боевые корабли приказали долго жить. При этом флотам азиатских стран поступило сообщение, в котором было требование не вмешиваться, тогда их не тронут. Проклятые азиаты, ненавидевшие западных господ всеми силами своих мелких душонок, послушались и со стороны с интересом наблюдали, как без всякого смысла умирают доблестные европейские и американские воители. А должны были закрыть их собой! Потом та же судьба постигла станции оборонного пояса, не тронули только русские, экипажам которых посоветовали побыстрее расстреливать назначенное демократами начальство, ибо вскоре империя вернется и жестко спросит со всех предателей. После этого поганый чужак расстрелял основные военные верфи на орбите Марса, опять же не тронув русские.

Выйдя на орбиту Земли, «Петроград» при помощи какого-то серого луча оставил вместо здания Государственной думы в Санкт-Петербурге, где собралось перепуганное демократическое правительство, яму глубиной в пару сотен метров, не затронув при этом соседние здания. Так же он поступил еще с несколькими присутственными местами, где в этот момент находились видные демократы, сыгравшие наибольшую роль в свержении кровавого имперского режима. Все это корабль проделал походя, словно вшей раздавил. А затем торжественно сообщил о сделанном на всю Россию, предупредив, что вскоре предавшим империю придется страшно ответить за свое предательство. Западные страны, похоже, экипаж этого корабля интересовали очень мало. Отмахнулся, как от стаи мух, и достаточно.

Сила и поведение чужака привели правительства планеты в ужас, а особенно то, как он поступил с их коллегами в демократической России. Судя по этому, демократической ей оставаться было недолго, большинство ее населения так и осталось имперскими варварами, не понимающими и не принимающими идеалов свободы, не желающими становиться геями и трансгендерами, отказывающимися внимать словам западных наставников о том, что педофилия и копрофилия хороши и правильны. Любую демонстрацию любителей нетрадиционного секса в этой дикой стране приходилось охранять силами полиции и армии, опричников нового режима, а народ хмуро смотрел на эти вакханалии, взглядами обещая, что придет время – посчитаются. За все. Разом. И это время, похоже, пришло.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/el-terrus_ia/hroniki-dal-nih-dorog

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)